

Вячеслав Седых
Александр Седых

The background of the cover features three soldiers in military uniforms riding horses through a misty forest. The soldier in the center is the most prominent, holding a sword aloft in his right hand. The soldier on the left holds a curved blade, and the soldier on the right is looking forward. The scene is atmospheric with soft lighting and a sense of movement.

**СЫН
ВЕДЬМЫ**
ПАСТЫРЬ
КНИГА 3

ИДДК

СЫН ВЕДЬМЫ

Александр Седых

Пастырь

«ИДДК»

2022

Седых А.

Пастырь / А. Седых — «ИДДК», 2022 — (Сын ведьмы)

Сын Ведьмы уже повоевал на фронте Первой мировой, побывал на каторге, пошалил в Японии и Китае, но из-за буржуазной революции возвратился в Русскую империю. Возжелав поднять над страной знамя свободной республики, Алексей примкнул к вольным анархистам. В ходе гражданской войны понял, что в Дикое поле превратилась не только вотчина батьки Махно, а и вся развалившаяся империя. И решил Ведьмин Сын стать пастырем для обездоленных, увести пёструю толпу казаков, анархистов и белогвардейцев на другой край света. Дикие земли Южной Америки показались вольному казаку лучшим пристанищем.

Содержание

Часть 1. Дикое поле	6
Глава 1. Последний хунхуз	6
Глава 2. Батюшка-анархист	15
Глава 3. Ход конём	28
Глава 4. Знахарь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Седых, Вячеслав Седых Пастырь

Цикл "Сын ведьмы":

Книга 1. Сын ведьмы

Книга 2. Ронин

Книга 3. Пастырь

© Седых Александр, Седых Вячеслав

© ИДДК

Часть 1. Дикое поле

Глава 1. Последний хунхуз

По пыльной дороге в Маньчжурской степи, попыхивая дымом из высокой трубы, неспешно катился странный автопоезд. Впереди, в открытом кабриолете, ехали Артём, Фёдор, Андрей и Вито Лосано. На жёсткой сцепке следом прыгал по кочкам крытый прицеп с дымящейся трубой. Внутри урчал паровой электрогенератор, по ходу движения подпитывающий электромотор автотягача. На плоской крыше фургона, греясь на весеннем солнышке, сидел Алексей.

Такую необычную картину увидел в бинокль главарь отряда хунхузов. Конечно, бандит не знал имён путешественников, даже не догадывался, что они русские. Но это для грозы Маньчжурских степей совершенно неважно. Под рукой разбойничьего атамана дюжина всадников с карабинами. Угрожать лихим наездникам мог бы только пулемёт в опытных руках. Однако, к своему удовольствию, главарь шайки его в бинокль не высмотрел. А пистолеты в руках изнеженных европейских путешественников жестокого китайца не пугали. Опытный грабитель караванов не собирался вступать с чужестранцами в рискованный бой.

Главарь молодецким свистом прервал процесс изъятия ценностей у пленённых купцов, заставив разгорячённых грабежом бойцов вскочить в седла. Захваченный караван чуток подождёт, а вот европейцы могли развернуть странный автопоезд и дать дёру. По степи на автомобилях бедняки не колесят, упускать редкую добычу не хотелось.

– Впереди на дороге хунхузы караван грабят! – обернувшись к Алексею, привстал с заднего сиденья автомобиля встревоженный Андрей.

– Спокойно, Андрюха, сейчас супостатов распугаем, – неохотно вставляя рукоять маузера в деревянную кобуру-приклад, тяжело вздохнул Алексей.

Сын Ведьмы обещал Варваре не губить народ зря по пути к светлому будущему. Вразумлять словом. Однако по-китайски Алексей изъяснялся слабовато, поэтому решил использовать громкое слово товарища маузера – так для малограмотных хунхузов доходчивее выйдет.

Главарь банды в дикой степи тоже предпочитал начинать встречу с незнакомцами дружным грохотом винтовочного оркестра. Всадники выстроились в линию поперёк дороги и, передрнув затворы, приготовили «ударный инструмент» к работе. Хозяин степи не надеялся взять иностранцев на испуг, как обычно удавалось с местными торговцами. Уж слишком нагло пёрли чужестранцы напролом, видно, не знали, с кем на дороге встретились. Церемониться с богатыми путниками никакого резона у разбойника не было. Купцы хоть регулярную мзду платят, а этих ветер унесёт. Проезжих надо обирать сразу до нитки, лучше уже мёртвых – суеты меньше.

Не рискуя подпускать врага на короткую дистанцию, главарь решил начать расстреливать глупых наглецов с четырёхсот метров. Пока докатятся на дальность револьверной стрельбы, из них дуршлаг получится.

Главарь вскинул руку, призывая бойцов приготовиться к залпу. Раскосые глаза хунхузов блеснули азартом, но отвести взор от командира не успели. Внезапно пуля чужака сбила с головы разбойничьего атамана белую папаху. Главарь вздрогнул от неожиданности, но совладал с волной страха и махнул рукой, дав отмашку оркестру смерти.

Вторая пуля угодила дирижёру в лоб, выбив тело из седла.

Часть хунхузов опешила. С такой дальней дистанции они могли только в контур всадника попасть, и то не факт. Но самые горячие не растерялись и вскинули карабины к плечу, намереваясь поквитаться за смерть главаря. Однако частые щелчки чужих выстрелов их опередили.

Не у всех храбрецов оказались высокие головные уборы. Вместе со сбитыми шапками пули выдрали кровавые клочки кожи с волосами. Выстрелить в мчащийся дымящий крематорий на колёсах никто не успел. Дураков дожидаться повторного предупреждения не нашлось – пример с главарём впечатлил всех.

Лошади, учуяв кровь и обуявший всадников страх, беспокойно заметались. О прицельной стрельбе уже и речи не было, а дымящее механическое чудовище неумолимо приближалось. Преимущество дальнобойных карабинов таяло, ещё чуть-чуть – и рой пистолетных пуль сметёт растерявшихся всадников. Кто-то драпанул первым, а следом и всё стадо разбойников бросилось в спасительную степь. Лишь верный конь главаря остался подле свалившегося наземь хозяина. Стук копыт быстро стих вдали.

Из-под ближней телеги выползла неуклюжая фигура бородатого толстячка в поповской рясе и на четвереньках подкралась к коню, бьющему копытом землю возле мертвеца. Жадная ладонь вцепилась в свисающие поводья, не позволив животному убежать при приближении странного колёсного экипажа.

Дымя высокой трубой, тихо урча электромотором, подкатил автопоезд.

– Господа, я поймал ваш трофей! – вставая с колен, заголосил толстозадый попик. – Надеюсь, поделитесь наградой?

– Мы ни с кем не воюем, – спрыгнул с крыши фургона Алексей и убрал маузер в кобуру. – Просто мимо проезжали.

– Так за голову Белого Хунхуза царская казна золотом заплатит, – поднял с земли шикарную белую папаху служитель церкви и высунул палец в пулевое отверстие.

– За головами не охотимся, – беспечно отмахнулся Алексей, проигнорировав вспыхнувший алчный блеск в глазах подошедшего отрядного казначея.

– Мы опять филантропы-пацифисты, – разведя пустыми ладонями, с горьким вздохом признал прискорбный факт Андрюха. Деловой атаман анархисту нравился куда больше, но вновь гневить казака было боязно. Горящий квартал Макао и кучи трупов пугали, повторения безумства Сына Ведьмы интеллигенту не хотелось. Зато теперь можно чуть расслабиться: с прежним атаманом и сотня хунхузов не страшна. Хоть Алексей и дал зарок не губить зря человеческих душ, но, когда потребовалось, рука не дрогнула.

Алексей заметил ехидную ухмылочку товарища.

– Не было времени заблудших на путь праведный наставлять, – шумно захлопнул крышку кобуры провинившийся проповедник. – Это был последний хунхуз. Я зарок дал.

– До Руси мы не доехали, – хихикнул Андрюха. – Можно ещё чуток пострелять.

– Забери от греха. – Алексей раздражённо швырнул соратнику маузер в кобуре.

– Не кажи гоп, пока не перепрыгнул, – поймал оружие ординарец и обернулся к попу: – Кстати, святой отец, далеко ли до границы?

– Если поторопимся, то к вечеру прибудем, – сунул белую папаху хунхуза под мышку расторопный служитель культа. – Добрые люди, а не поможете покойничка на коняшку взгромоздить и верёвочкой прихватить?

– Да зачем труп с собой волочить? – не понял хитрого плана попа Андрюха. – Оставь на дороге, свои вернутся, подберут.

– А коли не вернутся? – озабоченно вздохнул сердобольный попик. – Степные шакалы тело убиенного растерзают.

– Ну, так на вершине сопки прикопай, – кивнул казначей на близлежащую возвышенность.

– Без погребального обряда негоже, – протестующе затряс жиденькой бородёнкой толстячок. – А я басурманских обычаев не ведаю. Лучше отвезти тело разбойника на пограничную заставу. Казачки сами родственникам вернут. Хунхузы своего главаря обязательно выкупят, – в конце проговорился об истинном интересе хитрый попик.

– Ладно, чёрт с тобой, святой отец, – сожалея об упущенной выгоде, вздохнул меркантильный Андрюха. – Поможем. Только не задаром.

– Так мне добрым людям и заплатить-то нечем, – клещом вцепился в уздечку трофейного коня служитель.

– А в телеге чего везёшь? – кивнул на разворошённые грабителями тюки Андрей.

– Игумен Михайловского монастыря послал распространить книги святого писания.

– Да кому твои псалтыри в Китае нужны? – недоверчиво прищурился бывалый коммерсант. – Небось контрабанду в книжках через границу таскаешь?

Поп обиженно надул губы и, не выпуская добытую шапку из-под мышки, мелко перекрестился.

– Богомерзкими делами не промышляю. А вдоль КВЖД много православных христиан живёт.

– Чего же полные тюки с книгами тащишь обратно? – грамотно пытал Андрюха.

– Смута в умах народа пошла после революции, – горестно вздохнул проповедник. – Никакой тяги к истинной вере православной не осталось. А тут ещё диакон Никодим зимой занемог. Здоровенный бугай, а от лихорадки местной в одну неделю нутром сгорел и помер.

Пока Андрей пытался вывести хитрого попа на чистую воду, Алексей взгромоздил тело хунхуза на коня, перекинул поперёк седла и привязал верёвкой. Ничего брать себе из вещей мертвеца Алексей не хотел. Сильно жалел, что пришлось пристрелить бандита, хотя в душе и понимал: иначе было нельзя, а так дело обошлось только одной жертвой. И ведь предупредил супостата – первой пулей папаху с головы сбил.

– А ещё чего везёшь? – Пока новый хозяин привязывал коня позади телеги, бесцеремонный анархист успел залезть на повозку и проверить разворошённый багаж. – Бумаги какие-то, печать церковная, ряса монашеская...

– То от помершего диакона Никодима запасная одежда осталась.

– Алексей, а ведь почти твой размерчик, – примерил рясу к своим плечам Андрюха. – Ростом чуть коротковата, так тут запас можно отпороть.

– Коли купите, дешево уступлю, – охотно согласился выгодно сбавить имущество расторопный попик.

– Задаром возьмём, – рыкнул на неблагодарного субъекта спаситель. – Мы тебе коня с хунхузом подарили, а ты нам рясу и книги отдашь.

– Святое писание больших денег стоит, – резво запрыгнул на телегу и вцепился в тюки с макулатурой жадный попик.

– Так и награду за поимку Белого Хунхуза тебе царская власть немаленькую отвалит, – скомкал отнятую рясу казначей и спрятал трофей за спину. А будешь долго препираться, от каравана отстанешь. Вон уже остальные купчишки разбросанное барахло подобрали и в путь готовы тронуться.

– Чёрт с вами, басурмане, грабьте бедного святого человека, – смирился с разбоем торговец реликвиями. – Только до пограничного кордона сопроводите, а то налетят обиженные разбойники, порубят православных.

– Сопроводим, за отдельную плату, – выжимал из ситуации максимум пользы деятельный казначей.

– Так уж обобрали по полной, – всплеснул пухлыми ладошками горемычный поп.

– Остальные купчишки не знают о нашем уговоре, – подмигнул подельничку ловкий махинатор. – Пробегись вдоль каравана, собери плату за вооружённое сопровождение. Денежки можешь себе оставить, а нам выдай бумаги с церковной печатью.

– Сушие разбойники, – показушно нахмурил брови очень заинтересовавшийся выгодной аферой церковный деятель. В том, что торговцы дорого заплатят за конвой, поп не сомневался. Китайцы боялись странных путешественников не меньше хунхузов. Да и те могли в любой

момент вернуться с подмогой. Меж двух огней попали бедолаги – раскошелятся. Поэтому попик не стал затягивать торг: – А какие бумаги вам потребны?

– Монастырские накладные и разрешение на торговлю религиозной литературой. И вообще, вываливай-ка всё.

– Да чтоб ты подавился, вымогатель! – Попик торопливо достал из кожаной сумки пачку бумаг и швырнул на разорванный холщовый тюк.

– Ещё документик сварганишь для моего товарища, – кивнул на атамана отрядный писарь. – Что отставной прапорщик Ронин Алексей принят в монахи. Чин церковный пропишешь, какой уж сможешь, и печать на бумаге поставишь.

– Лишь в иноки смогу произвести, – скромно развёл руками церковный делец и задумал забюрократить процесс, а то и вовсе ускользнуть из рук опасных попутчиков, – только это уж обещаю на пограничном кордоне вам прописать. В дороге аккуратно не получится, да и в часовенке, под святыми образами, всё по чину отслужу. А сейчас дозвольте, господа контрабандисты, денежки с каравана собрать, пока он в путь не тронулся.

Толстый попик резво соскочил с телеги и, подобрав подол рясы, посеменял короткими ножками вдоль телег, мзду с торгашей за безопасную проводку каравана собирать.

Атаман не мешал мелочному казначею отряда обогащаться, но искренне недоумевал.

– Зачем нам эта морока? – с неприязнью глянул на рассыпанные бумаги Алексей.

– Ты свою небритую рожу давно в зеркале видел, турист? – криво усмехнулся Андрей.

– Да, надо бриться начинать, – потрогал густой пушок на щеках юноша. Семнадцать лет уж в этом году парню исполнится. Хоть и выглядел Сын Ведьмы на двадцать пять, но щетина на лице только сейчас начала расти. До сей поры казачок безусым ходил.

– Пять мужиков с бандитскими рожами – больно подозрительная компания, – показал растопыренную пятерню Андрюха. – А твоя богатырская фигура с военной выправкой, вообще, на нехорошие мысли наводит. Лучше бы тебе от остальных чуток в сторонке держаться. Паспорт япошки выдали почти как настоящий, а теперь ещё в иноки запишешься. Вон, смотри, какими удобными сопроводительными бумагами монахи попики снабдили – проездные без определённого места назначения. Дозволено распространять веру, где паства примет. Так не только по Китаю, но и по всей Руси путешествовать можно. Власти чинить препятствий не станут. Главное, в чужую церковную епархию со своим уставом не лезть, попы конкурентов не любят. Но мы же книженции особо рьяно продавать не намерены. Даст Господь, до самых центральных губерний не распродадим Христовы заповеди. Я у тебя в найме пойду. Кому-то за товаром следить надобно и постой святому проповеднику организовать. Ты же у нас чудик не от мира сего, праведник, каких не сыскать. Да и по бумагам, в Японии состряпанным, сильно на голову контуженный. Вот, подлечился в Китае, но, видно, не до конца. Иногда в душе бесы буянят. Вспомни, как в Макао раздухарился.

– Такое больше не повторится, – заскрипел зубами Алексей. Вспоминать своё состояние во время пожара не хотелось.

– Лучше не зарекайся, атаман, – озорно подмигнул Андрюха. – Злыдней по земле много бродит, обязательно под руку подвернется.

– Может, и впрямь в монахи податься? – нахмурившись, всерьёз воспринял идею Алексей. – Соблазна губить народ меньше будет, а проповедовать и лечить в рясе даже сподручнее.

– Во, ещё медный крест на пузо повесишь – совсем Христосиком заделаешься, – бросил в казака комок монашеского одеяния развеселившийся анархист. – Примерь рясу, отче. Надо у попа ещё высокую чёрную шапку отжать.

– Клобук иноку носить не положено, – просветил атеиста воспитанник священника.

– Ну, вам, батюшка Алексей, виднее, – рассмеялся затейник маскарада. – Товарищи, давайте добытый товар в фургон перетащим, пока шустрый попик не вернулся и парочку экземпляров библии не стырил. Тот ещё прощелыга.

Подшли Артём с Фёдором, наблюдавшие за разговором со стороны, помогли быстро перекинуть холщовые тюки в автоприцеп. Большевики одобрили идею Андрея формально разделить отряд. Объяснить наличие дружной толпы вооружённых мужиков в одной машине было действительно проблематично. А так выходило, будто трое путешественников сжалились и взялись подвести за небольшую плату двух попутчиков.

Кроме того, изменялась концепция появления саквояжа с валютой и драгоценностями, отжатыми казаком у триады. Теперь это не личные сбережения удачливого бизнесмена из Макао Андрея Волкова, а церковная казна, которую он перевозит из заграничного прихода в Михайловский монастырь. С кобурой маузера на бедре и клинком вакидзаси за поясом Андрияха-воин смотрелся весьма грозно. А в церковных бумагах, взятых у попаика, сведения о перевозимом количестве ценностей значились весьма расплывчато, ведь предприимчивый игумен не мог заранее угадать выгоду от китайского рейда. Осталось только для большей достоверности опечатать сургучовой печатью саквояж Бао Чжана. Плутуватый попаик за эдакую плёвую услугу дорого не возьмёт, Андрияха точно просчитал делопута.

Вскоре маленький торговый караван тронулся, автомобиль вооружённых чужестранцев пристроился в хвост колонны. Хунхузы больше не беспокоили, хотя Алексей видел, что двое всадников следили за караваном издали. К вечеру добрались до брода через пограничную речку Аргунь, приток Амура. На русском берегу располагалось бревенчатое здание таможи и дюжина изб амурских казаков.

Телеги каравана и автопоезд гуськом скатились с лысого пологого холма на китайской стороне и неспешно пересекли мелководье, усыпанное крупной галькой. Воды в речке было по ступицу колеса.

Гостей встретили вооружённые карабинами казаки. Держались настороженно, опасливо поглядывая на китайскую сторону. Солнце уж клонилось к закату. Тени длинными щупальцами крались по земле.

С гостями вступил в беседу командир заставы, только он сносно говорил по-китайски. Купцы плохонько знали русский, поэтому разговор шёл на смеси языков, подкрепляемый отчаянной жестикующей. Казак дотошно осмотрел груз, внимательно изучил паспорта торговцев. Контрабандных товаров не обнаружил, изъянов в бумагах не увидел и пропустил караван беспрепятственно.

Китайцы торопливо уплатили таможенные сборы и, не оглядываясь, удрали в ночь, опасаясь мести хунхузов за убитого главара. А вот у шустрого попаика лошадёнка была дохленькая, он решил отстать от каравана и переночевать на пограничной заставе. Правда, Андрияха подозревал, что жадный святоша остался выжиливать положенную за ликвидацию разбойника награду. Трофейного коня и оружие казаки тут же реквизируют в казну, а наградную грамоту обещали выдать только поутру. Командир казачьего разъезда сослался на отсутствие писаря на заставе. Гонца в станицу он отправил сразу, как только узнал, какого важного покойничка приволокли гости.

Особой радости привезённый попом трофей у казаков не вызвал. Хоть и отрадно было, что Белого Хунхуза чужеземцы завалили – много пакостей натворил китаёза, но проблему своей смертью он тоже создал нешуточную. Все знали, что разбойники отследили путь каравана и завтра прискачут мстить. Возврат тела не умиротворит разозлённых родственников покойного. Непонятно было, почему бандиты не попытались ещё на китайской стороне малыми силами отбить мёртвого главара. Ведь получалась потеря лица. Теперь такой позор нужно смывать большой кровью, иначе по всей Маньчжурской степи нехороший слух пойдёт. А без должного уважения и другие торговцы от рук отобьются – начнут отстреливаться. Месть за уважаемого главара разбойного клана должна быть страшной, чтобы ни у кого больше рука не поднялась защищаться.

На жадного попа и глупых путешественников казаки косились недобро. Виновников суматохи казаки с заставы не отпустили. Командир поста бегло пробежался взглядом по весьма подозрительным паспортам и, сославшись на поздний час, перенёс досмотр транспорта на светлое время. А пока предложил заночевать в гостевой избе, места на пятерых там вдосталь, ещё и хитрый попик пристроится.

Видя встревоженные лица казаков, Алексей подошёл к десятнику.

– За подмогой гонца послал? – кивнул на дорогу Алексей. – Мести хунхузов опасаясь.

– Завтра родственнички покойничка прискачут, – тяжело вздохнул командир. – Если прямо с утра появятся, то отряд из станицы не успеет подойти. Ваши пять стволов на заставе пригодятся. – Казак исподлобья зыркнул на статную фигуру гостя. – Контрабандисты или бывшие военные?

– Бывшие, – усмехнулся Алексей. – Но в войне подсобить сможем.

– Который из вас Белого Хунхуза завалил?

– Вон, Андрюха-снайпер, что с маузером на боку, – передал товарищу лавры славы Алексей.

– А ты, батюшка, стало быть, не воюешь? – недоверчиво прищурил глаз бывалый казак. От верного купчишки из каравана он слышал другое.

– Святой обет дал – не губить больше на Руси душ человеческих, – смиренно склонил голову инок и истово перекрестился. – Теперь токмо проповедовать истинную веру и лечить тела страждущих мне дозволено.

– А нельзя ли, батюшка, твой обет на завтрашний вечер перенести? С утра трохи с нами повоюешь, а опосля и усопших отпоёшь, – не верил в святость здорovenного детины казак. Уж больно вид у широкоплечего монаха разбойный был, и намётанный взгляд казака сразу определил рясу с чужого плеча.

– Я не батюшка, а всего лишь скромный инок Алексей, – поклонившись, поправил десятника святоша. – Самому мне проливать чужую кровь грешно, однако молитвой и дельным советом православному воинству помогу.

– А меня Герасимом Палкиным кличут, – усмехнувшись в густые, закрученные кончиками кверху усы, протянул открытую ладонь десятник. – И дельный совет от толкового бойца я выслушать завсегда готов.

– Ронин, – крепко пожал протянутую руку Алексей и сразу перешёл к делу: – Сколько бойцов на заставе?

– Вместе со мной девять сабель.

– Пулемёт есть?

– Только в станице. Но раньше полудня подмога не подойдёт.

– Тогда воспользуетесь нашим «Максимом», – удивил гость.

– У вас и пулемёт есть? Так вот почему хунхузы не решились вас вдогонку атаковать.

– К утру, с божьей помощью, сотворим, – перекрестившись, пообещал чудо странствующий инок.

– Как это? – округлились глаза у казака.

– Герасим, я тут за околицей поленницу дров видел. Столярный инструмент и тёмная краска найдутся?

– Инструмент отыщется, а вместо краски можно смолу и дёготь использовать, – догадался о затее инока казак. – Только тогда нужно и пулемётную ленту сшить, и патронами набить. Я нашим бабам поручу. За ночь изготовят, как настоящая будет. А вот столяров таких, чтобы копию пулемёта из полена выточить, на заставе нет. Нам сподручнее шашкой махать, чем рубанком и стамеской.

– Со мной как раз бывший оружейник путешествует, – подмигнул казаку Алексей. – Фёдор – мастер на все руки.

– Хунхузы поостерегутся на пулемёт толпой переть, – заулыбался командир заставы, однако вскоре опять загрустил. – Возможно, до подхода станичников продержимся, но ведь злыдни в степи переждут и снова на кордон полезут. Подгадают время, когда все разъедутся, и приползут ночью хаты жечь.

– Значит, надо так отвадить, чтобы дорогу сюда навсегда забыли, – задумался над проблемой боевитый инок. – Герасим, а у тебя в боезапасе гранаты имеются?

– Гранат нет, но два ящика динамита в хозяйстве припасены, – гордо крутанул пальцами кончик усов казак. – Контрабандисты взрывчатку у инженеров с КВЖД украли и через границу пытались протащить, а мы изъяли и рыбу им глушим иногда.

– Вот завтра твой динамитик нам и пригодится, хунхузов глушить, – азартно потёр ладони Сын Ведьмы.

– Вряд ли поможет. Китайцы – как тараканы. Разбегутся – тапкам не перебьёшь, – засомневался в действенности динамитных шашек бывалый казак.

– Значит, надо на приманку в одну кучку собрать, – не унывал тактик боя, ряженный в монашескую рясу.

– Так тебе же, батюшка Алексей, вроде как нельзя? – усмехнувшись, шутливо погрозил пальчиком казак.

– Всего лишь инок, – подняв указующий перст, снова поправил затейник и попытался оправдаться: – Так действие будет происходить не на территории Русской империи, и я в богопротивной бойне не собираюсь принимать участия. Хунхузы сами себя напугают... До смерти.

– Да как же такое чудо сотворится, и без тебя, батюшка Алексей? – Герасим уже понимал, кто здесь главный творец.

– Я лишь чуть-чуть поспособствую, – скромно сложил ладони домиком инок-чудотворец.

– Командуй, батюшка. Что ещё тебе для святого дела потребно?

– Две вместительные седельные сумки, несколько метров верёвки и... – Алексей прищурил глаз, прикидывая размер инвентаря, – перекрестье из двух палок, длиной в руку.

– Это ещё зачем? – опешил казак.

– Ты, Герасим, приключенческие романы любишь читать?

– Чаво? – не понял, о чём вообще речь, малограмотный сибиряк.

– А я вот о Северной Америке много читал. Про индейцев там всяких. Но вот однажды попалась мне как-то история о всаднике без головы. Мёртвый наездник, привязанный к седлу, скакал на вороном коне по Мексике и страх на округу наводил.

– Белому Хунхузу голову отрезать хочешь и на коня усадить? – передёрнув плечами, поёжился станичник.

– Голову отрезать не обязательно, – хищно улыбнулся жестокий романтик. – И так жути нагоним.

– Ну, действуй, грамотей, тебе виднее, – дал добро казак. – Лишь бы злыдней от кордона отвадил.

Утром на лысом взгорке, по ту сторону брода, показались конные хунхузы. Завидев на русском берегу автомобиль со станковым пулемётом, установленным на багажнике, всадники не решились спускаться к реке. Новенький «Максим» красовался воронёной сталью ствола и поблёскивающими на солнце латунными гильзами в заправленной пулемётной ленте.

– А ведь и впрямь выглядит как настоящий, – похвалил, пожав плечо Фёдору, командир заставы.

Гости вместе с казаками залегли в неглубокой траншее напротив брода. Только Вито Лосано и Андрей Волков притаились за макетом пулемёта, усевшись на заднее сиденье авто. Андрюха предварительно заполнил багажник мешками с песком, поэтому вражеских пуль не опасался.

– Где же Алексей? – высунувшись из окопчика, завертел головой Артём, высматривая чёрную рясу инок.

– Хунхузы показали, сейчас и наш батюшка появится, – уверовал в находчивого отставника казак. Документы прапорщика он накануне видел и уже не сомневался в их подлинности – так хладнокровно мог воевать только опытный фронтовик.

Из-за угла избы вышел высокий инок в монашеской одежде, на груди сверкал в солнечных лучах медный крест. Атрибут Андрюха временно позаимствовал у жуликоватого попа, ибо так фигура инок должна была внушать китайцам больше уважения. Алексей вёл в поводу коня с покачивающимся в седле наездником. С конского бока свисали чем-то доверху заполненные кожаные сумки, но застёгнутые клапаны не давали разглядеть груз.

Хунхузы взяли фигуру парламента на прицел, из-за гребня холма выехали с полсотни всадников и спустились по пологому скату.

Инок в чёрной рясе неспешно перевёл коня по мелководью. Держа за уздечку, подвёл к самым богато одетым хунхузам со злыми перекошенными рожами.

Всадники плотным полукольцом окружили парламента.

– Белый Хунхуз не пропустит вас к русскому кордону. Ослушаетесь – умрёте, – на плохоньком китайском языке громко известил всю банду чёрный инок.

Алексей больше ничего не сказал, развернулся и, не оборачиваясь, пошёл к воде. Сын Ведьмы отлично контролировал пространство колдовским зрением. А для гравитационного воздействия на тела и предметы ему требовалось лишь создать мысленный образ. Многодневные упорные тренировки даром не пропали.

В момент опасности из тёмного подвала души чародея выполз дьяволёнок и на минутку вновь овладел сознанием доброго казака. Алексей позволил злой колдовской силе порезвиться напоследок – отдал последнего хунхуза для кровавой потехи. Невидимые гравитационные щупальца протянулись к мертвецу, взяв тело всадника под контроль.

Новый главарь шайки недоумённо таращил глаза то на безжизненный труп, усаженный на коня, то на удаляющуюся спину наглеца. Опомившись, приказал чужаку остановиться и вскинул карабин к плечу, прицеливаясь.

И тут произошло невообразимое: убитый хунхуз ожил, поднял голову в белой папахе и глянул остекленевшими глазами. Бледная ладонь покойника медленно достала из-за пояса револьвер и, словно нехотя, навела в грудь слушника.

Кровь застыла в жилах нового главаря банды. На долгую минуту повисла мёртвая тишина. Затем главарь совладал со страхом и попытался винтовочной пулей достать уже перешедшего брод русского шамана.

Белый Хунхуз выстрелил раньше.

Револьверная пуля пробила халат китайца в районе сердца. Бандит кулем свалился с коня.

Приближённые главаря дали шумный залп по ожившей твари в белой папахе. Но пули не вышибли привязанное тело из седла, лишь заставили задёргаться, словно от щекотки.

Белый Хунхуз опять вскинул руку и пятью револьверными выстрелами свалил актив шайки. Последнюю пулю мертвец выпустил в одну из притороченных к седлу объёмистых сумок.

Раздался оглушительный взрыв. Отряд разбойников взрывной волной разметало по склону. Ошмётки окровавленной плоти градом посыпались в воды Аргуни, окрасив их в красный цвет. На склоне образовалась глубокая воронка. Облако поднятой пыли ещё долго висело серой пеленой в воздухе.

Из отряда хунхузов уцелели лишь дозорные, остававшиеся на вершине холма. Взрывная волна свалила коней вместе с всадниками и присыпала пылью. Очухавшись, везунчики, шата-

ясь, поковыляли в степь, разнося страшную легенду об ожившем мертвецце и злом чёрном колдуне, обитающем на русском берегу Аргуни.

– Живите спокойно, казачки, – подойдя к окопчику, даже не обернувшись посмотреть на дело рук своих, смиренно известил чудотворец. – К этому броду хунхузы никогда не сунутся.

– Издали особо не разобрать, что за стрельба по ту сторону учинилась, – вставая на ноги, напряжённо всматривался в клубящееся серое облако десятник. – Батюшка, ты чего это супостатам такого сказал, что они с перепугу сами перестрелялись? И кто динамитную бомбу взорвал?

– Китайцы попались какие-то нервные, – невинно потупившись, пожал плечами боевой инок. – Видно, испугались покойничка, суматошную пальбу начали, вот шальная пуля в сумку и угодила.

– Ну и мастер ты, батюшка Алексей, уговаривать врагов отправиться на тот свет, – нервно рассмеялся казак. – А усопших отпеть сможешь?

– Легко. Только вы их на китайском бережке прикопайте. Там уже и могилка под братское захоронение вырыта. – Алексей грустно вздохнул. – Пусть следы грехов на чужбине останутся... Я же зарок дал.

Казак искренне верил, что это был последний хунхуз. Эту веру заодно поддерживал и внутренний спутник. Довольный бесёнок, получив обильное жертвоприношение, издевательски хихикая, отступил в тень души Сына Ведьмы. Добро вновь восторжествовало... Надолго ли?..

К обеду прискакал отряд из станицы. Воевать было уже поздно, зато прибратья возле заставы помогли. Станичный атаман похвалил молодого инок за смекалку и храбрость. Жуликоватому попику нехотя выписал наградную бумагу за уничтожение Белого Хунхуза и, проследив за выдачей обещанной иноку грамоты с печатью, побыстрее выпроводил восвояси. Только вот крест наперсный, что поверх рясы вешают, казаки у попика изъяли и батюшке Алексею подарили. Уж сильно всем молебен в исполнении молодого инок понравился. Алексей так умел молитвы читать, что душа в груди пела, а тело ввысь воспарить рвалось. В такие моменты во все стороны от чародея исходили незримые гравитационные волны.

Пришлось путешественникам задержаться ещё на ночь. Головной атаман уговорил гостей разделить вместе с казаками скромную вечернюю трапезу. Признали станичники в Алексее родную казацкую душу.

Громко трапезничали, до самой зорьки.

Глава 2. Батюшка-анархист

После бурного празднования локальной победы над китайскими хунхузами казаки залегли по избам пограничного посёлка. Революционеры позволить себе такой роскоши не могли – и так потеряли два месяца на пыльных дорогах Китая. В то время как русская держава, судя по горестному сетованию казаков, рассыпалась на глазах.

Много интересного узнали эмигранты в ходе задушевной ночной беседы. В речах честных служивых сквозила горькая обида.

– Тут, на пограничном кордоне, государева власть ещё как-то держится даже без царского догляда, – утерев пальцами роскошные усы, тяжело вздохнул станичный атаман. – Казаки службу несут справно, а вот в строевых частях вдоль всего Сибирского тракта уже свирепствует анархия. Дезертирство солдат стало повальным. Из столицы приходят противоречивые приказы, один дурнее другого. Главный штаб армии требует немедленно отправить пополнение на фронт, а штатские министерства обрезают всякое финансирование военных поставок. Черета забастовок шахтёров привела к заторам на железных дорогах. В городах резко возросли цены на продовольствие, деньги стремительно обесцениваются.

– Вот-вот, бумажные керенки скоро рулонами на локоть наматывать будем, – поддакнул командиру пьяненький сосед с вихрастым чубом.

– Объявленная ещё зимой продрозвёрстка забуксовала, – пожаловался путешественникам атаман. – Не желают пахари расставаться с урожаем за бесценок. А у временных административных нет ни сил, ни желания отнимать нажитое крестьянское добро. По всем губерниям бунтом пахнет.

– Да и я тож своё не отдам! – грохнул кулаком по столу разгорячённый сосед. – За сущие копейки зерно скупают, жидовские морды!

Атаман успокаивающе положил ладонь на плечо обиженного земляка и продолжил исповедь:

– Батюшка Алексей, в стране теперь вообще всё стало очень временным: правительство, учредительное собрание, законы, приказы и даже деньги. Часть властных структур уже канула в безвременье: в большинстве центральных уездов полицию разогнали, а узников выпустили из тюрем на волю. В Сибири закрыли все каторги. «Птенцы Керенского» разлетелись по просторам империи. В городах стало страшно по улицам ночью ходить, разбойники в каждом закоулке поджидают. Да и не поймёшь теперь, кто хуже – тати ночные или временщики заезжие. Прежних начальников повсеместно сместили, заменяя политическими горлопанами. Только казачки старый порядок и удерживают в станицах.

– Пусть только в наш край сунутся, лощёные интеллих-х-генты... – зашипел буйный казачок с другого края стола и зло уставился на малопьющего чужестранца.

Вито Лосано зябко поёжился под колючим взглядом изрядно выпившего казака. Хорошо, что шашки у лихого рубаки под рукой не нашлось, и казнь «немца» откладывалась до протрезвления станичника.

– Испанец по-нашему не понимает, – заступился за брата-интеллигента Андрюха. – Однако Витёк парень правильный.

– Он хоть и «немец», а с деревянным пулемётом против полусотни хунхузов выступить не побоялся, – громко рассмеявшись, похвалил храброго чужестранца Герасим Палкин.

– За такое геройство надо выпить, – поднял кружку с брагой сразу подобревший самозванный палач интеллигенции. – За Витька!

Казачки угомонились только к утру. Вито Лосано ухитрился на несколько часиков прикорнуть в уголке и с рассветом охотно уселся за руль электромобиля. Испанцу не хотелось задерживаться на опасной границе. Диковатые русские казаки иноземца пугали не меньше

кровожадных китайских хунхузов. И те и другие для европейца являлись непонятными варварами-азиатами.

Время было дорого. Компания автокочевников могла отоспаться и в пути на кожаных сиденьях кабриолета или под крышей автофургона. Успешно миновав пограничный кордон, революционеры теперь не беспокоились за слабое качество проездных документов. Если уж из тюрем выпустили матёрых преступников и опасных политзаключённых, то ловить беглых каторжан никто теперь не станет.

Артём с Фёдором хотели добраться до ближайшей железнодорожной станции и на поезде отправиться в столицу творить революцию. Остальная братия решила не спешить. Вито Лосано не желал расставаться с железным детищем прогресса и намеревался испытать электромобиль длительным автопробегом по русскому бездорожью. Экономный Андрюха наотрез отверг идею большевиков – погрузить автохлам на железнодорожную платформу и всей компанией с ветерком домчаться до центральных областей империи. Такие внеплановые денежные траты поднимали в алчной душе экономиста бурю негодования. И так, скрипя зубами, идейный анархист выдал политическим конкурентам из общей казны часть заработанных в Макао денег. Только грозный взгляд батюшки Алексея не позволил бесовски обчитать пролетариев. Хорошо хоть, саквояж с сокровищами Бао Чжана атаман не считал общей собственностью, берёт для инвестиций в промышленность нового мира.

Алексей же отверг идею движения по железной дороге из опасения попасться на глаза военной контрразведке. Офицеры наверняка отслеживали, кто перемещается в сторону линии фронта по загруженным стратегическим магистралям. А уж громоздкий иноземный «самовар на колёсах» и подозрительная компания с иностранцем наверняка окажутся в фокусе их интересов. Лучше медленно ползти по пыльному Сибирскому тракту, не привлекая излишнего внимания. От назойливых жадных полицейских легко откупиться, а вот армейские офицеры присягу пустым звуком ещё не считают.

Однако автопробег вышел у компании уж очень неспешным. Слабосильный электромобиль еле-еле тащил тяжёлый прицеп по раскисшей весенней грунтовке. Не помогли и установленные новые колёса большего диаметра – увязали в грязи по самые оси. Алексей, конечно, помогал гравитационной силой, но боялся слишком явно продемонстрировать колдовское воздействие. Андрюха и Вито уже смирились с чертовщиной, но вот прилюдно обгонять тонущие в грязи телеги Алексею не следовало. Отрывались от попутных караванов, только выезжая с постоянных дворов до рассвета. Но, нагнав идущих впереди попутчиков, опять плелись со стандартной для бездорожья черепашьей скоростью.

В конце концов Алексей решил не изображать из себя первопроходца и переждать распутицу в уездном городке на Сибирском тракте. Свободное время использовал для реконструкции ходовой части кабриолета и автоприцепа. Особо спешить Алексею было некуда. Великим агитатором он себя не мнил, воевать не собирался, и присоединяться пока было не к кому. Гегемония пролетариата казаку не по душе, идеи буржуазной революции отдавали затхлым душком, а деловых лидеров анархистского движения по пути не встречалось – одни трибунные горлопаны. Алексею же хотелось участвовать в строительстве нового светлого мира, а не растаскивать и обглаживать кости распадающейся империи.

Для будущего нового общества он с испанцем изобретал совершенную технику. В каждом городке на пути автопробега заглядывали в местные механические мастерские и заказывали какую-либо деталь для электромобиля. Не только взамен вышедших из строя при испытаниях, но и модифицированные. А некоторые самоделки вообще не знали аналогов.

Чтобы не тащить в прицепе объёмную кучу дров для питания парогенератора, Алексей на каждой стоянке упражнялся с топором, заготавливая суточную порцию топлива. Однако если колоть чурбаки казаку удавалось играючи, то вот напилить их двуручной пилой было проблематично. Хитрый Андрюха находил тысячу причин откосить от трудовой повин-

ности, а Вито Лосано вечно возился с ходовой частью и двигателем капризного кабриолета. Алексею приходилось в одиночку «мясорубить» топором стволы им же поваленных деревьев. Хорошо, если сей аттракцион проходил в глухой тайге, а вот когда он разворачивался на людных стоянках, то все окрестные ротозеи сбегались поглазеть. Хоть плату взимай за цирковое представление.

Вот и придумал Алексей, как быстро напилить дрова, привлекая поменьше внимания к собственной персоне. Любопытная публика по-прежнему собиралась вокруг места лесопилки, но уже обсуждала не здоровяка-дровосека, а электрическую ручную чудо-пилу. По просьбе казака Лосано приспособил к электромоторчику лезвие с движущейся цепью, обрамлённой острозубой кромкой. Такой электропилой Алексей не только стволы деревьев разрезал на чурбаки, но и лес валил, будто тростник острой косой срезал. Сибиряки не могли взять в толк, что за могучая сила перетекала по витому длинному шнуру от чёрной коробки с железными клеммами к жужжащему в руках лесоруба чудному агрегату. Об электричестве мужики лишь краем уха слышали. И если бы не монашеская ряса на плечах заезжего инока, да не начищенный до блеска медный крест на его могучей груди, то могли бы заподозрить появление в их краях адептов нечистой силы. Однако благочестивый облик странствующего инока отводил дурные подозрения. Алексей перед началом чудодейства всегда истово крестился и громко читал молитву, отчего в душах случайных зевак разливался сладкий елей. Уж очень славно молился инок, будто пуд веса с плеч каждого слушателя сбрасывал.

После такой демонстрации божественной силы Андрюха обязательно умудрялся выгодно сбывать состоятельным купцам толстый томик церковной писанины, что досталась в нагрузку на Маньчжурской границе. Продавал втридорога. Но купцы не скупались, брали как свидетельство об увиденном чуде. Потом весь Сибирский тракт гудел рассказами о богатыре-монахе и его чудо-пиле. Мужики с завистью вздыхали о такой полезной в хозяйстве вещице. Ведь местные грамотеи-интеллигенты умели лишь теорию электроэнергии заумно излагать, а ничего путного изготовить для крестьянина не могли. Многие умники даже не верили в историю о самоваре на колёсах и мече-кладенце, который в руках могучего инока вековые ели косил, как траву. Вот тут-то купцы и доставали из сумки увесистые церковные фолианты. Положив руку на святое писание, можно было поклясться Господом Богом, а коли и это не помогало, то вразумить неверующего, приложив с размаху объёмистой книгой по глупой башке.

Подолгу задерживаясь в уездных городках, Алексей обязательно посещал местные книжные магазины и прикупал техническую литературу. Даже в дороге он ухитрялся учиться. Электромобилем правили посменно Вито Лосано с Андрюхой, Алексей же в одиночку кочегарил в автоприцепе. Зато никто не видел, как Сын Ведьмы колдовской силой закидывал в топку поленья. Сам же кочегар, развалившись в кресле, неспешно перелистывал страницы заумных книг. Фургон освещался электрической лампочкой, поэтому использовать библиотеку на колёсах можно было даже ночью. На длительных стоянках к гуттаперчевому ученику присоединялся учитель. Наряду с повседневными занятиями Вито Лосано обсуждал с молодым коллегой новые технические решения. Алексей же в свою очередь обучал испанца премудростям русского языка. Витёк, как его окрестил Андрюха, к концу автоперехода уже сносно понимал местную речь, хотя и стеснялся говорить на людях.

К исходу лета путешественники достигли Дикого поля, территории между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке. По инерции, двигаясь в сторону фронта, въехали в Екатеринославскую губернию и решили остановиться в уездном городке Александровске.

Надо сказать, что пока дорога пролегла сквозь лесистую местность, недостатка в бесплатных дровах не было. А вот когда выкатились в степи, то пришлось держаться близ железной дороги. На станциях всегда удавалось разжиться мешком угля. Андрюха хоть и тяжело вздыхал по вылетающим в трубу денежкам, но иного решения топливной проблемы предложить

не мог. Не кидать же в топку вонючие лепёшки кизяка, которыми топили печи местные крестьяне. Дрова в сёлах стоили дорого.

Подкатившись к стационарному топливному складу, Андрюха отправился менять бутылку самогона на уголь. Такой нехитрый бартер позволял хитровану экономить отрядную казну. Выгоднее было по пути прикупить запас дешёвого самогона у крестьян, чем платить живую копейку железнодорожникам.

Как всегда вокруг кабриолета с прицепом собралась толпа зевак. Гадали, зачем на фургон дымящуюся трубу пристроили? Одни высказывали предположение, что это полевая кухня на колёсах, другие указывали на толстый кабель, соединяющий его с необычным автомобилем, и отмечали сходство с паровозом. Только один солдат, в измазанной углём форме, во все глаза глядел не на чудаковатый агрегат, а на вышедшего из фургона высокого чернобородого парня в монашеской рясе.

– Алексей? – с прищуром разглядывая инок, неуверенно обратился солдат.

– Он самый, – обернулся к нему Алексей, пытаясь припомнить того в лицо. – Почём знаешь?

– Так я Брагин Васька, в одном полку воевали, – радостно заулыбался сослуживец. – Дело было ещё в Карпатах, пару лет назад.

– Воевал, – согласно кивнул инок.

– Ты ещё тогда казаком был, а потом санитаром, – напомнил послужной список знакомец.

– Отойдём в сторонку, вспомним былое, – не захотел прилюдно раскрываться Алексей.

– Коль махорочкой угостишь, отчего же не поговорить? – пошёл вслед за парнем солдат, но по пути вспомнил: – Ой, да ты, кажись, не курил тогда.

– И сейчас не балуюсь, – степенно огладил ладонью густую короткую бороду молодой инок.

– В Сибири не научили? Тебя же военный трибунал осудил. Помню, даже расстрелять хотели вместе с товарищами. По слухам, вас тогда наш дивизионный контрразведчик, Кондрашов, у жандармов еле отбил.

– И что теперь с добрым капитаном случилось? – усаживаясь на штабель ошкуренных брёвен, озабоченно вздохнул Алексей. – Жив ли? Почитай, уж три года как война идёт.

– Когда я в госпиталь попал по ранению, то Эдуард Петрович уже в майорах ходил, – присел рядышком сослуживец и пожал плечами. – Жив, поди. Штабные в штыковую атаку не бегают.

– Я с капитаном в разведку по немецким тылам ползал, – нахмутив брови, заступился за боевого офицера Алексей. – Толковый вояка.

– Может, и так, – чуть отстранился от статного инок солдат. – Мы люди простые, с офицерами задушевных бесед не вели. А теперича и вовсе на разных языках говорим. Народу война обрыдла, а офицерье солдатушек на убой всё гонит.

– Сам-то что не на фронте? – просветил колдовским взглядом фигуру бойца Алексей. – Перелом левой берцовой кости затянулся.

– Ну, ты, чудо-санитар, хватку-то не потерял! Да, хромаю помаленьку, – уходя от ответа, фамильярно хлопнул по плечу сослуживца однополчанин. – Не зря тебя ведьминым сыном кличут. Не пойму только, как попы такого беса в божью братию приняли.

– Инок я, – поправил, смиренно склонив голову, самозванец. – И прежнюю суетную жизнь отринул. Теперь за царя не воюю. Только за новый мир радеть буду.

– Эт правильно, что Керенский политзаключённых из тюрем выпустил, – логично предположил, как удалось выйти на свободу казаку, сослуживец. – Вот только уголовников зря освободил. В Александровске от них житья никакого не стало. Всю власть под себя забрали. Наша рота резервистов уж целый месяц на этой проклятущей станции кукует. Урки паровоз угнали, а наш эшелон заперли на запасном пути. Всё продовольствие из прицепных вагонов начисто

выгребли. Теперича, как цыгане, по городу побираемся, где что украдём, где кое-как подработаем. Я вот на угольном складе подрядился мешки к паровозам таскать. Платят копейки, только на прокорм и хватает. Махорки даже не прикупить. У твоих товарищей лишней щепоти табачка не найдётся?

– Не курит у нас никто, – отрицательно покачал головой благообразный инок. – А куда ваш командир смотрит? Почему к местным властям не обратился?

– Так говорю же: воры власть в городе держат, – всплеснул руками горемыка. – Когда полицию и старую администрацию распустили, то народная милиция всю власть к рукам прибрала. Теперь такие времена настали, что у кого оружие, тот и главный. Уголовники банду сколотили и трусливых обывателей запугали. Главой городской управы авторитетный пахан стал. Другие воры остальные властные должности заняли. Посланные горожанами жалобы в Екатеринослав остались без ответа, там тоже полный раздрай. Кругом временщики засели.

– А армейские чины как реагируют?

– Так урки военных не задирают, – отмахнулся ладонью жалобщик. – Эшелоны на фронт проскакивают станцию без задержек.

– Ну, ваш же не проскочил?

– У нас только безоружные резервисты, – горестно вздохнул солдат. – Почитай, сплошь новобранцы. Ветеранов, что из госпиталя выписались, десятка не наберётся. А поручика, который роту сопровождал, в первый же день урки подстрелили. Мы его на попутном эшелоне в тыловой госпиталь отправили.

– А сами что на другом попутном транспорте к фронту не подались?

– Приказа некому отдать, – криво усмехнувшись, пожал плечами невинный пацифист. – В окопы кормить вшей никто по доброй воле не торопится.

– Ну, так разбежались бы по домам, – не одобрил такую робость революционных масс анархист.

– Так ведь изловить могут, – вздохнул дезертир. – Трибунал бегунков сразу к стенке ставит. На узловых станциях военные патрули документы проверяют, не проскользнуть.

– И вы всей потерянной ротой решили конца войны в Александровке дожидаться? – удивился наивности солдат Алексей.

– Неплохо бы, – мечтательно улыбнулся Васька Брагин и высказал более трезвую мысль: – Может Временное правительство скоро развалится, а новое мир с немцами заключит. Ведь война только буржуям на пользу, трудовому народу никакого прока нет кровь проливать. Говорят, на фронте солдаты обеих армий уж брататься начали.

– Это хорошо, – одобрительно кивнул мирный инок.

– Вот только пока всероссийскую революцию дождёмся, мы на станции от голода передохнем, – посетовал дезертир и потёр ладонью пустое пузо.

– Ну так локальную сотворите, – сумничал грамотный анархист.

– Какую? – не понял мудрёного слова Васька.

– Установите в Александровске свою революционную власть, – скрестив руки на груди, остро глянул в глаза солдату анархист.

– Да как же её, батюшка, установить без оружия? – развёл голые ладони Брагин.

– Так небось склады ломятся от винтовок, что бандюки из угнанных вагонов наворовали, – подсказал источник силы святой человек.

– Там и жратвы полно припасено, – облизнул губы Васька. – Однако без боя урки добро не уступят. А у нас ни одного ствола в наличии нет, положат бандиты из пулемёта всю солдатскую братву.

Благообразный инок огладил смоляную бороду и ободряюще улыбнулся бойцу.

– Коли солдатский комитет роты постановит брать власть в городе в свои руки, то и я чуток благому делу подмогну.

– Неужто, батюшка Алексей, у тебя в хозяйстве пулемёт припасён? – обрадовался нежданной подмоге новоявленный революционер Васька и тут же вспомнил былые подвиги казака на фронте: – Ходили слухи, что ты один из пулемёта целую роту немчуры накопил.

– Кровь проливать мне теперь не с руки, – оторнул грешное предложение святой инок и показал крепкий кулак. – Так вразумлю бесов.

– Врукопашную банду не одолеть, – засомневался в действенности аргумента Васька.

– В сочетании со словом божьим – подействует, – хитро подмигнув, заверил странный инок. – Твоё дело – братушек-солдатушек на революцию сподвигнуть.

– Побузить голодная братва давно готова, – соскочил с брёвен солдат и вытянулся перед боевым иноком по стойке смирно. – Веди в бой, батюшка Алексей!

– А пойдут ли хлопцы за неведомым им батькой? – с сомнением прищурившись, наклонил голову Алексей.

– Ветераны в нашей роте помнят о твоих фронтовых подвигах. А новобранцы уверуют после первой же демонстрации силы атамана.

– Иди, Василий, поговори с товарищами, а я покумекаю, каким славным деянием неверующих убедить, – повелительным взмахом руки отослал верного адепта батюшка-атаман.

Алексей в задумчивости вернулся к дымящему высокой трубой фургону. Вскоре появился Андрюха с корзиной картофеля. За ним следом двое чумазных солдат катили багажную тележку, гружённую мешками угля.

– Дёшево сторговался, – похвастал отрядный снабженец и качнул головой в сторону грузчиков. – Совсем народец на станции зачах. За самогон и краюшку хлеба чёрта из преисподней продадут.

– Надо бы помочь людям, – взял корзину из рук Андрюхи инок и бросил сочувственный взгляд на оголодавших солдат.

– Батюшка, желаешь повторить деяние Христа, который тремя хлебами голодную толпу иудеев накормил? – съязвил помощник и, выхватив картофелину из корзины, подкинул в воздух.

В руки картофель к нему уже не вернулся. Алексей перехватил клубень на лету и с размаха запустил в штабель брёвен. Картошка от удара разлетелась на сочные куски.

– Годится, – думая о чём-то своём, кивнул Алексей.

– Зачем продукты зря переводить? – обиженно надул губы снабженец.

– Достань мне ещё верёвку метров пять длиной, и весовую гирику, – не обратил внимания на его показные стоны атаман.

– Пудовую? – саркастически ухмыльнулся Андрюха.

– Килограммовой хватит с лихвою, – серьёзно ответил боевой инок. – И узнай расположение штаба противника.

– С кем на этот раз будем воевать? – сразу посерьёзнев, прошептал соратник.

– Разберёмся с местными хунхузами, – чтобы не поняли посторонние, мудрёно ответил атаман.

– Сразу кварталы выжигать начнём, как в Китае, или по одному домики палить будем? – прикрыв губы ладонью, пошутил Андрюха.

– Для начала вражий штаб спалим, а потом и по городу огненной гребёнкой пройдемся, – без доли иронии тихо известил компаньона о планах боевых действий стратег.

– Атаман, сколько даёшь времени на детальную разведку местности? – не стал мешкать исполнительный служака.

– До темноты, – расщедрился командир.

– Коллега, у вас определённо появилась театральная склонность к ночным светопреставлениям, – хихикнул Андрюха, вспомнив красочный пожар в Макао.

Алексей отвесил зубоскалу лёгкий подзатыльник. Кардинально разорять город Сын Ведьмы не собирался, и дремавшего глубоко в душе злого духа будить не стал. На этот раз он собирался лишь слегка пошалить, надеясь обойтись вообще без пролития крови.

Шустрый поделник быстро разведал места дислокации врага и даже карту Александровска у бывшего полицмейстера за бутылку самогона выменял.

– Тут я крестиками отметил здание городской управы, где блатные лёжку устроили, – ткнул пальцем в развёрнутую на столе фургона карту разведчик. – А вот туточки склады с награбленным товаром урки держат. Только их нахрапом не брать. Там на вышках вертухаи со станковыми пулемётами периметр пасут. Охраны не меньше взвода.

– Маловата что-то банда для целого города, – усомнился атаман. – И что это у тебя за странные крестики намалёваны, с косою перекладиной?

– Так могильные же, – рассмеялся шалун.

– Сказал же, убивать никого не будем, – поморщился на чёрный юмор товарища священнослужитель.

– Твоя воля, батюшка, – непонимающе пожал плечами анархист. – Только бандитские морды добровольно оружие не сложат. А солдаты с голыми руками на блатных не попрут. Успел я послушать их речи на митинге. Кстати, от воровской шайки там тоже соглядатаи рядом крутились. Так что, думаю, паханы вечером соберутся в здании городской управы, горячую тему меж собой перетереть.

– Это удачно складывается, – обрадовался доброй вести атаман. – Веди солдатских комитетчиков к управе, а остальным бойцам роты прикажи скрытно выдвигаться к складам.

– Послушаются ли меня? – засомневался ординарец полководца.

– Из одного любопытства пойдут, ротозей, – усмехнулся хитрый казак. – Только скажи им, чтобы мне под горячую руку не совались. Когда супостатов скручу, сам позову.

– На такое представление билеты надо продавать, – пожалел об упущенной выгоде бывший импресарио.

– Пусть считают это благотворительным концертом для фронтовиков, – развеселился добрый факир.

Солдаты ожидание заезжей цирковой труппы полностью оправдали – гурьбой побежали места на тёмной галёрке занимать. Никто, кроме Васьки Брагина, не видел воочию чудобатюшку. Ветераны взахлёб рассказывали новобранцам о подвигах легендарного казака. Молодые слушали открыв рты, старики саркастически усмехались, но все соглашались – дыма без огня не бывает. Не зря страшные слухи о Сыне Ведьмы по окопам ходили – геройски казак воевал. За то его ненавистное штабное офицерье и невлюбило, по ложному доносу чуть под расстрел не подвело. А казак и в Сибири не пропал, святым человеком на волю вышел. Виданное ли дело – в одиночку на целую банду вознамерился пойти. Конечно, солдаты собирались помочь доброму делу, но сперва желали убедиться, не пустая ли это похвальба сумасшедшего батюшки. Совесть мужиков не мучила, ведь герой сам ни о чём не просил. Да и не представлял никто, как следовало действовать в столь сложной ситуации. Однако жуткое любопытство одолевало всех, так что даже самые трусоватые новобранцы пошли в безрассудную ночную вылазку.

И не прогадали.

Дюжина ветеранов солдатского комитета роты первая оценила воинское искусство казака. Тиха городская ночь, сторожевые псы не брешут по каменным дворам. Рано взошедший лунный диск хорошо освещал одноэтажное здание с толстыми колоннами под козырьком фасада городской управы. Мужики в измятой форме вытянулись цепочкой в тени здания на другой стороне мощёной булыжником площади. Лишь одинокая рослая фигура инока в чёрной рясе, подпоясанной верёвкой, замерла напротив освещённых керосиновыми лампами широких окон управы.

С площади наблюдателям не было видно, кто собрался за столом в кабинете главы города – не позволял высокий фундамент. Только люстра с лампами виднелась в ярко освещённом окне. Сомкнутые дубовые створки парадной двери особняка надёжно охраняли покой хозяев города. Лишь Алексей колдовским зрением видел группу играющих в карты бритоголовых мужиков, развалившихся в креслах за круглым столом, и спящего в коридоре стража за запертой на засов дверь парадного входа. Справиться и с засовом, и с нерадивым охранником казак мог играючи, но входить в гадюшник воин не планировал. Атаману нужно было показать удаль публично, чтобы солдаты не сомневались в силе командира.

Алексей поднял с камней мостовой корзину, наполненную молодым картофелем, взял правой рукой клубень поувесистее и с размаха метнул в застеклённое окно.

Картофелина гулко, будто удар языка колокола, разбила стекло, осыпавшееся с хрустальным звоном на камни мостовой, и врезалась в люстру с керосиновыми светильниками. Вслед за первым снарядом в окно влетела целая очередь из клубней. Каждый импровизированный снаряд точно поразил намеченную цель.

Выбитые мощными ударами из креплений керосинки градом посыпались на скатерть стола. Картёжные игроки прыснули в стороны от бьющихся о столешницу ламп.

Неведомая сила помогла горящему керосину быстро просочиться наружу, залив жидким пламенем вначале стол, а потом и пол в комнате. Огненные струйки, будто живые змеи, скользнули по паркету к шторам на окне, под обитый бархатом диван, к ножкам шкафа, доверху забитого амбарными книгами.

Перепуганные люди заметались по комнате. Кто-то из паникёров, похоже, задел плечом шкаф. Створки стеклянных дверей распахнулись настежь и на тлеющий паркет вывалились пуды бумаг. Пламя жадно вгрызлось в это лакомство. Густой дым заволок комнату и выбросил завитки чёрных щупальцев в разбитые стёкла оконной рамы.

Тушить вспыхнувший пожар было бесполезно, да и героев в комнате не нашлось. Вся блатная братва, надрывно кашляя, дружно рванула по коридору вдоль запертых кабинетов к парадному выходу. Искать ключи от чёрного хода никто даже не подумал. В потёмках и преследующих по пятам едких клубов дыма сие было весьма проблематично. Так что Сыну Ведьмы не пришлось мухлевать, подпирая гравитацией створки задней двери. Всё получилось по его задумке. Толпа бандюков вывалилась по парадной лестнице на площадь.

Алексей тут же осыпал вражин картофелинами, хлипкие снаряды с глухими шлепками разбивались о бритые головы украинских хунзузов. Часть блатных сразу выпала в осадок, свернувшись клубочками на холодных камешках мостовой. Но попались и особо твердолобые, которых удары картошкой по черепу не впечатлили. Разозлённые паханы схватились за револьверы.

Однако пока недобитые урки доставали наганы из карманов широких штанов, иннок, отбросив снарядную корзину, чёрной молнией скакнул ближе к противнику и, не приближаясь вплотную, резкими взмахами рук поверг врага. Что-то убойное со свистом замелькало в воздухе, круша кости крепких бритоголовых бугаёв.

Когда потрясённые столь быстрой расправой с главарями бандитской шайки солдаты осторожно подошли к месту побоища, то в свете вырывающегося из окна пламени пожара они увидели, что подле ступеней здания городской управы вповалку валяются поверженные враги. Часть была просто оглушена без видимых повреждений. Подле других, изрядно побитых, лежали выбитые из рук револьверы. Головы были целы, только живчики сильно стонали и баюкали переломанные кисти рук. А ещё они все были связаны одной длинной верёвкой, которая стягивала их бычьи шеи тугими петлями и не позволяла подняться, так как у кое-кого она ещё и скручивала ноги.

– Это чего? – указал дрожащим пальцем на верёвку сбитый с толку Васька Брагин.

– Китайские рукопашники называют это гибким копьём, – охотно пояснил боевой инок. – Длинная верёвка с грузиком на конце. Обычно он заострённый и втыкается в тело, словно наконечник копья. Однако можно ведь не только протыкать врагов, но и оглушать или просто связывать. Я вот для этой цели килограммовую гиришку приспособил. И от греха поберётся – по головам супостатов не бил, только по рукам и рёбрам чуток потузил. Может, по мелочи и сломал чего, так не со зла. Думаю, Бог простит, ведь крови не пролил.

– Как товарищам и обещал! – победно воскликнул Васька и соколом глянул на смущённую солдатскую братву.

– За таким атаманом и в штыковую не страшно подниматься, – одобрительно закивал усатый ветеран.

– Зачем же в штыковую, – усмехнулся необычный командир. – Голову опасной гадине мы обрубил, теперь займёмся хвостом, а потом и остальное тело покроем. Василий, остаёшься за старшего. Товарищи, общите бандитов, вооружитесь их револьверами для начала. Десяток отконвоирует пленных на станцию. Я там заброшенный пакгауз видел. Устройтесь пока в нём и допросите бандитов, нам нужна дислокация всех воровских малин. Остальные товарищи пойдут со мной к складам, настоящее оружие добывать.

– Пожар бы сперва как-то потушить, – с сожалением глянул на всполохи пламени в окне Василий.

– Не отвлекайтесь на суету, – беспечно отмахнулся странный инок. – Там в здании и гореть-то больше нечему. Огонь сам потухнет.

Алексей взял с собой часть безоружных солдат и, не оглядываясь, уверенно повёл через площадь. Не успела его компания дойти до дальнего края, как огонь, бушевавший в комнате, сразу утих, будто захлебнулся густыми клубами дыма, который почему-то больше не вырывался сквозь разбитое окно.

– Чудны дела твои, Господи, – поёжившись, перекрестился Васька.

– И Бог на нашей стороне, – покрепче связывая пленённых бандитов, оптимистично заметил старый усатый солдат. – А батюшка Алексей – его карающая длань.

После недолгой прогулки по улочкам городка святой инок подвёл товарищей к стационарному складу. В тени близлежащих хозпостроек шуршали скрывающиеся зрители. Хорошо, хоть махорки у солдат не было, огни самокруток не демаскировали расположение засевшей в засаде пехотной роты.

– Выждете две минуты после моего входа через калитку и тихонько заходите вслед, – распорядился командир в рясе. – Толпиться не надо. Достаточно будет и одного десятка бойцов.

– А делать-то чего? – не поняли солдаты.

– Пленных ремнями вязать, – усмехнулся богатырь. – Только работайте тихо и не спеша. Дайте мне время всех караульных на территории разыскать и обезвредить.

– Да их там только в караулке два десятка наберётся, – предостерег один из ветеранов.

– Отдыхающую смену буду глушить в последнюю очередь, – разъяснил порядок действий наглый диверсант и опять удивил: – Эдак минут через пять после вхождения в контакт с первым противником.

– Хорошо бы, батюшка Алексей, ты нам сигнал какой бы подал, – осторожничал стреляный ветеран. – Вдруг задержка с караулкой выйдет, а мы припрёмся.

– Шумну голосом, когда всех мордой в пол положу, – пожал плечами уверенный в себе казак-пластун.

– С богом, батюшка, – напутствуя, перекрестил героя пожилой солдат.

Алексей вышел из тени и открыто направился по шпалам железнодорожной ветки прямо к воротам склада. Дойдя до калитки, тихо постучал в смотровое окошечко.

– Чего надо, поп? – глянул сквозь открывшееся окошко караульный.

– Маляву от пахана притаранил, – сплюнув сквозь зубы, развязно объяснил ночной визит ряженный поп. – Зови начкара, щекотливую тему перетереть с глазу на глаз надо.

Пока караульный гонял за старшим, Сын Ведьмы тихонько отодвинул колдовской силой массивный засов на железной калитке. Без дозволения входить не стал, дождался, пока напротив открытого окошка появилась заспанная усатая морда.

– Чего звал? – только и успел сказать начкар.

В следующее мгновение от удара ногой железная створка двери распахнулась, врезав по услужливо подставленной башке. Тело дородного начкара отбросило на руки позади стоящего караульного. Тот даже рта не успел открыть, когда тёмная фигура скользнула в дверной проём, и боксёрский хук правой в челюсть отправил его в нокаут. Оба бесчувственных тела опрокинулись на спину.

На шум громкой возни у ворот обратил внимание часовой на вышке.

– Эй, что за дела?! – склонился через перила ограждения бдительный страж, силясь разглядеть в лунном свете, что творится у распахнутой настезь калитки.

Тёмная тень незаметно скользнула в сторону, обогнула вышку и беззвучно взлетела до уровня смотровой площадки. Часовой почуял неладное лишь в последний момент, когда чужак уже перемахнул через перила, на миг заслонив фигурой лунный свет. Но одновременно с тенью на плечи стражника упала ременная петля. Удавка стиснула горло, заперев крик в глотке. Руки вертухая судорожно вцепились в кожу солдатского ремня. Тело ещё несколько секунд подрыгало ногами и сдалось, отправив сознание в объятия Морфея.

Алексей не свирепствовал – лишь слегка придушил. Вертухая заткнул рот его же скомканной фуражкой и связал ремнём, оглушённых караульных оставил обслужить товарищам. Следовало поспешить к остальным подопечным. Сын Ведьмы видел всех бродящих по периметру склада караульных, однако вначале пролетел по угловым вышкам и обезвредил пулемётчиков.

Душить часовых показалось диверсанту слишком муторным занятием, пришлось вспомнить уроки японского мастера каратэ. Удары ребром ладони по шее вырубали противников эффективнее, чем удушающие приёмы дзю-дзюцу.

Быстро покончив с охраной на вышках, Алексей принялся колошматить движущихся часовых. Беззвучной тенью он падал с крыши, оказываясь за спиной жертвы и нанося отработанные удары каратэ. Бродячие враги быстро закончились. Пришёл черёд караулки с отдыхающей сменой.

Засов на двери отодвинулся без скрипа. Алексей шагнул за порог и первым же ударом вырубил дремавшего за столом дневального. Бить остальных не имело смысла, они все спали безоружными. Алексей прибавил света керосиновой лампе, взял в руки заряженные наганы и громко затянул молитву, которой обычно отпевают покойников.

Бандиты просыпались и удивлённо таращили глаза на зычно горланившего батюшку с наганами в руках. Добрым его лик не выглядел, да и пение сильно омрачало душу. Казалось, будто несколько лишних пудов веса, навалившись на плечи, сгибали спину грешников. Только улёгшись животом на пол, они испытывали некоторое облегчение. В этой позе и застали пленников прибежавшие на звук молебна солдаты.

– И верно, всю банду мордой в пол положил, – удивился дословному исполнению обещания батюшки Алексея вошедший первым в караулку усатый ветеран. – А ведь и пяти минут ещё не прошло.

– Эт вы сами поторопились, не дали молитву до конца допеть, – шутливо пожурил торопыг батюшка.

– Командир, ждём дальнейших приказаний! – вытянулся по стойке смирно старый служака.

– Открывайте склад, вооружайте роту, – передал револьверы в руки ветерана Алексей. – А я пойду с пленными паханами потолкую. Нужно точную дислокацию расквартирования основных сил противника определить.

За порогом караулки Алексей столкнулся с довольно улыбавшимся Андриюхой, похожим на лису, забравшуюся в курятник.

– Я двери конторы взломал, замки всех амбаров теперь наши, – потрясая в воздухе кольцом с ключами, похвастал добычей хищник. – Атаман, дозвожь по разбойничьим закромам пошарить, может, полезных для путешествия вещей раздобыть удастся.

– Лишним барахлом грузить фургон не позволю, – пресёк мародёрство командир.

– Так я только погляжу, приценюсь и лишь с особого дозволения нужную в походе вещь прихвачу, – плаксиво заканючил завхоз.

– Когда это ты со мной по таким вещам советовался? – уличил жадного жулика скромный инок.

– Так тебе же, батюшка, не до мирских дел, – надул губы бессовестный приватизатор – Лишь я один для пользы отряда стараюсь. Без моего догляда ходили бы голодными оборванцами. Да и по техническому направлению у меня в кармане длинный список заказов от Лосано припасён. Где я дефицитные материалы добуду? В обычных магазинах таких штукювин не сыскать.

– Ладно уж, пошарь по закромам, – отмахнулся от нытика атаман. – Составь перечень, чего взять с собой предлагаешь. Обсудим утречком.

Алексей поторопился к заброшенному пакгаузу. В сохранившейся после пожара кирпичной коробке сидели у стеночки связанные по рукам главари банды. Кое-где сохранились обугленные потолочные балки, грозившие в любой момент обрушиться на голову.

– Как успехи? – подошёл Алексей к главному дознавателю.

– Матерятся блатары, – зло зашипел в сторону несговорчивых пленнх Васька Брагин. – Тебя, батюшка, нехорошими словами поносят.

– А ты их, Христа ради, покаяться попроси, душу грешную облегчить перед смертью, – ласковым голосом посоветовал суровый инок.

– Временное правительство смертную казнь упразднило, – подал голос дородный бритоголовый детина. – И в Бога твоего мы не веруем. Нет его.

– Земные правители не властны над божьим промыслом, – чинно перекрестился благообразный инок. – А искренним молитвам Господь милостивый внимает.

– Чтоб ты сдох, святоша! – дерзко выкрикнул главарь банды и издевательски заржал. – Ну, и где исполнение желания?

– Подойди ко мне ближе, порождение порока, – ласково поманил разбойника пальчиком странный инок. – С моего места небо лучше видно. Может, Господь тебя разглядит и просьбу твою нечестивую исполнит.

– А я и на блатной фене могу Богу послание прокричать, – криво ухмыльнувшись, встал с корточек главарь и вразвалочку приковылял на указанное место подле глупого инока. – Только сдаётся мне, что туговат на ухо твой Бог-еврей.

– Не язык обращения главное, а от кого просьба исходит, – улыбнулся в ответ скромный инок и, сжав в кулак нательный крест, запрокинул голову к звёздному небу: – Покарай, Господи, нечестивца, неверующего в силу божественную.

– Ну и где кара небесная? – победно заржал уголовный авторитет.

В следующее мгновение внезапно налетел мощный порыв ветра. Обгоревшие балки закачались, а самая непрочная с громким хрустом переломилась и упала на пол. По пути увесистый обломок брёвнышка зацепил бритую голову пахана, свернув жилистую шею набок.

Безжизненное тело поломанной куклой упало подле ног святого батюшки, которого даже облачко осыпавшегося пепла облетело стороной.

– Зря богохульствовал, грешник, – с напускной грустью вздохнул обласканный божьей милостью православный инок и строго взглянул на притихших уголовничков. – Кто ещё желает терпение Господа испытать?

Ответом была гробовая тишина. Никто не посмел поднять глаза на грозного адвоката Бога.

– Ну, тогда по очереди подходите каяться. Василий, разверни-ка карту города, пусть грешники могильными крестами обозначат, где этой ночью местная братва хорониться будет. Коли подельники добровольно сдадутся, то поутру всех блатных судить будем по законам Временного правительства.

– А коли не сдадутся? – заинтересовался альтернативой Василий.

– Спалим осиные гнёзда к чёртовой матери! – недипломатично выразился благочестивый инок. – Один из пленённых блатных авторитетов проведёт к каждой воровской малине отряд карателей. Если кто вздумает подличать, то разрешаю карать божьим судом по законам военного времени.

– Это как? – удивился необычному приговору Василий.

– Как Бог вразумит, так контру и кончай на месте преступления, – доходчиво разъяснил добрый батюшка.

Однако, судя по сразу проявившемуся энтузиазму проводников, блатные предпочитали для себя и сотоварищей применение гражданского уголовного кодекса.

Потом, когда старшины взводов распределяли цели по карте и сверяли время по изъятым у паханов карманным часам, Василий решился осторожно уточнить у сурового батюшки порядок действий при штурме бандитских притонов.

– Неужто и впрямь дома́ сжигать будем?

Алексей охотно пояснил:

– Вначале окружаете здание, блокируете окна и запасные выходы.

– Ну, двери-то подопрём досками, а окна как закрыть? – прервал командира дотошный Васька.

– Разведите костры под окнами. Возьмите со склада канистры с керосином, горючий же хлам для растопки на месте съёдете. Так и дом сразу не подпалите, и жути на урок нагоните. А после громкого увещевания окруженцев паханами дайте из пулемёта пару очередей по фасаду и фундаменту здания, для острастки. Можете для большего шумового эффекта швырнуть гранату на крышу. Думаю, в уголовной среде вы отчаянных смертников не встретите – сдадутся при первых выстрелах. Я с этой гнилой публикой в тюрьме и на каторге сталкивался – жидкие на расправу. Но ежели попадётся упёртый отморозок, то церемониться не стоит. Это мне чужую кровь проливать грех, а солдатам воинским уставом положено – бейте супостата наповал.

– Будет исполнено, батюшка, – рассмеявшись, взял под козырёк служака-Василий.

Сам Алексей в ночной рейд не пошёл, дабы внутреннего беса кровью не искушать. Задумчиво сидел на разбитой крыше выгоревшего пакгауза и наблюдал, как уже перед самым рассветом, одновременно в разных частях города запылали алые зарницы. Послышался стрекот пулемётных очередей и редкие хлопки гранат. Шум стих быстро. Сын Ведьмы напряг колдовское зрение и отследил вереницы человеческих фигур, движущиеся к станции. Кажись, дельце-то выгорело.

Краем зрения Алексей заметил и одинокого путника, натужно катящего доверху гружёную тележку. Направлялся добытчик прямо к автопоезду.

– Андрюха, я же сказал лишнего барахла в фургон не таскать, – неожиданно вынырнул из тени грозный батюшка.

– Так я не в фургон, я рядом складирую, – отважно загородил спиной ценную тележку завхоз. – Всё равно ведь весь товар теперь наш. Вот я и решил самое нужное под рукой держать.

– Это почему теперь всё наше? – не уловил сути политического момента Алексей.
– Город в наших руках, значит, и захваченными ценностями мы можем распоряжаться по своему усмотрению.

– Мы здесь всего лишь проездом, – напомнил Алексей.

– Так ведь солдаты тебя завтра решили выбрать градоначальником, – выдал секрет Андрияха. – А я стану городским казначеем.

– Не обучен я городами править, – верно понимал всю сложность управленческой задачи семнадцатилетний парень.

– Выберем толковых министров из местной интеллигенции, и всего делов-то, – отмахнулся от сущей ерунды недоучившийся студент.

– Так мы же с тобой вроде как анархисты, – недоумевал такому резкому развороту соратника в сторону централизации власти наивный идеалист.

– Идейные анархисты вроде Нестора Махно в Гуляйполе сельскую коммуну строят, – проявил недоужинную осведомлённость в местных политических раскладах отрядный разведчик. – А у нас задача масштабней – городскую агломерацию в анархию втянуть.

– Не готов я к такому размаху, – упёрся молодой инок. Алексей понимал, что одной революционной ротой власть анархии в Александровске долго не удержать, ибо повести за собой население целого города у неопытного в политике парнишки не получится. И жадный до власти студент-Андрияха тут ему не помощник. В столь стратегическом пункте анархистам житья не дадут. Навалится контра со всех сторон, затопчет ростки революции. Следовало отступить в глухой край и прибиться к сильному лидеру. – А ну-ка, Андрей, расскажи подробней о Несторе Махно. Что за дядька?

Разведчик присел на краешек тележки, наморщил лоб, вспоминая услышанные сведения.

– Местные его батькой кличут. Лет тридцати от роду. В тюрьме отсидел за разбой и политику. Идеальный анархист, пользуется уважением односельчан. В Гуляйполе создаёт анархистскую коммуну. Вроде что-то получается, народ подтягивается. Часть новобранцев нашей роты, которые из крестьян, собираются переметнуться к батьке Махно. Беглых солдат в Гуляйполе привечают, мужиков на селе нехватка.

– Вот над этим вариантом надо завтра помозговать, – призадумался юный анархист.

– Так уж... сегодня, – указал рукой на алую полосу рассветного неба соратник.

На востоке разгоралась заря нового дня, суля миру светлое будущее. Но уже по-осеннему холодный порывистый ветер гнал с умирающего западного горизонта тёмные тучи, грозя затмить нарождающийся свет. Кто победит в отчаянной гонке – неясно.

Глава 3. Ход конём

После удачного захвата власти в городе Алексею наконец-то удалось поспать. Но к обеду потревожила делегация солдатского комитета. Встреча состоялась в просторном кабинете начальника железнодорожной станции. Алексей лишь успел перекусить всухомятку и умыться. Небритые солдатские физиономии тоже не сияли чистотой. Бурные события беспокойной ночи наложили на лица тень озабоченности и даже растерянности. Что делать дальше, нечаянные бунтовщики не знали. Вроде бы и правильно всё выполнили, без лишних жертв обошлись, только вот незаконно всё как-то вышло.

– Рассаживайтесь, товарищи-старшины, – пригласил занять стулья за длинным столом батюшка Алексей. – Знаю, зачем пожаловали.

– Надо бы коменданта гарнизона выбрать, – первым подал голос Василий Брагин и с надеждой посмотрел на батюшку.

– Коменданта в Александровск назначит военное командование, – сразу отрёкся от мирской власти благочестивый инок, но ободряюще подмигнул растерявшимся солдатам. – Однако обещаю замолвить за вас доброе слово.

– Так кто же вас, батюшка Алексей, в штабе слушать станет? – горестно вздохнул пожилой усатый ветеран.

– Выше головы, удалыцы! – приободрил оптимист в рясе. – Своими героическими действиями вы уже заставили себя уважать.

– Так мы же самовольно, без приказа офицера военные действия в тыловом городе начали, – раздался голос с дальнего конца стола. – Как бы нас за такое самоуправство не наказали.

– Согласно уставу воинской службы, руководство над потерявшим командование подразделением переходит к старшему по званию военнослужащему. – Алексей поднялся из-за стола и, щёлкнув каблуками, встал по стойке смирно. – Вы действовали по приказу поручика Алексея Ронина.

Такое неожиданно-спасительное заявление обескуражило солдат. Никто из них, конечно, не помнил прежнюю фамилию Алексея, наслышаны были лишь о славных подвигах и высоких наградах Сына Ведьмы. Того, что казак дослужился до офицерского звания, солдаты не ожидали.

– Когда же, ваше благородие, вы успели звание получить? – озвучил вертевшийся у всех на языке вопрос солдат Брагин. – На фронте-то, почитай, и года не воевали.

– А война, Василий, не только в окопах идёт, – загадочно улыбнулся ряженный поручик. И впрямь, на смиренного инока он походил мало – что статной фигурой, что грозным ликом, что голосом командным. – И впредь, рядовой, если обращаетесь к офицеру, извольте встать во фронт.

– Виноват, ваше благородие господин поручик! – резво вскочил со стула Брагин и вытянул руки по швам.

– Ну, а если просите заступничества у батюшки Алексея, то говорите о бедах не чинясь, – ласково улыбнулся бородатый верзила-инок и вальяжно уселся в кресло начальника станции. – С назначением толкового командира в Александровский гарнизон я вопрос улажу. Какие ещё мрачные думы вас одолевают?

– С пленными, ваше благородие, что прикажете делать? – поднялся из-за стола усатый ветеран. – По закону в тюрьму не посадишь, а отпускать опасно.

– Присаживайтесь, уважаемый, – опустил ладонь Алексей. – И эту проблему я к вечеру решу. Кстати, где бандитов содержите?

– В сгоревшем пакгаузе. Только главарей отдельно – в караулке на складе.

– Это правильно. С блатными авторитетами у меня будет отдельный разговор, – зловеще усмехнулся иннок.

– Батюшка Алексей, есть ещё проблемка, – не поднимаясь со стула, неуверенно обратился к благодетелю в рясе Брагин. – Часть хлопцев желает податься к батьке Махно.

– И ты, Василий, тоже бежать от войны к селянам решил? – раскусил замысел дезертира Алексей, однако осуждения в голосе доброго батюшки не слышалось. – Попридержи буйную братию. Даст Бог, послезавтра все вместе уйдём с миром. Мой путь тоже в том направлении лежит. Однако идти к селянам надо не на хлебниками с голыми руками, а по-хозяйски, с заслуженными трофеями за плечами.

– Ну, если вместе с таким атаманом, то выждем пару деньков, – радостно заулыбался Василий. В удачу находчивого казака он уже верил безоговорочно. Боевой атаман своих в обиду не даст.

Таково было мнение у всех солдат. Никто даже не подумал требовать от самозванца подтверждения офицерского звания или плана дальнейших действий. Лишь когда комитетчики покинули комнату, к Алексею подбежал перепуганный Андрюха.

– Атаман, я случайно за дверь всё слышал, – честно признался в шпионстве анархист. – Ты чего это удумал?! Нам бы самим подобру-поздорову ноги из Александровска унести, а ты, святой батюшка, чужие грехи замаливать взялся. Хватаем барахло, сколько сможем увезти, и катим к Махно. Авось не достанут блатные в глубине Дикого поля. Да и государевы власти учинённый разбой не одобряют. С часу на час воинский эшелон подойдёт. Местные недобитки небось жалобную петицию длиной в локоть накатали. Тикать надо немедленно.

Алексей обнял товарища за плечи и, грустно вздохнув, обрисовал обстановку:

– Неужели ты, Андрюха, ещё не понял, что нет уже никакой власти в сгнившей империи? Вся она превратилась в Дикое поле. Каждая сила тянет в свою сторону, разрывая великую страну на лоскуты.

– Вот и нам надо лоскуток урвать, – жадно оскалился деляга. – Будем с батькой Махно свободную анархическую республику создавать.

– Создавать – это хорошо, – мечтательно улыбнулся Алексей, но через секунду погрузился. – Только разрушать устои государства сразу не надо. Завалит ростки революции обломками старого мира – не выберемся к свету.

– Достаточно аллегорий, – скривился бывший интеллигент. – Ты, атаман, по делу говори.

Алексей потрепал ладонью волосы на буйной голове студента-революционера.

– Анархистской идее время надо, чтобы в умах трудового крестьянства прорости. А если мы тылы рушить начнём, то немцы фронт прорвут. Пусть старорежимные граждане супостата иноземного сдерживают, куда могут. И мы тоже должны этому способствовать по мере сил.

– Да не должен я за всю империю пупок надрывать! – возмутился столь масштабной задаче местечковый анархист. – Моя хата с краю, ничего не знаю.

– Узко мыслишь, интеллигент, – оттолкнул несознательного соратника вожак революционного отряда. – А как потом боевым товарищам в глаза смотреть будешь, если одних в трудное время бросишь?

– Товарищи со мной к Махно подадутся, а чужеродные служаки пусть кровь за буржуев на фронте проливают.

– А если под трибунал угодят, за мятеж? – совестил Алексей.

– Так пусть разбегаются, коли с нами идти не желают, – упирался Андрюха.

– Анархия – свобода выбора, каждый должен жить по своему разумению, – озвучил азы учения адепт.

– Вот и я о том же, – надул губы молодой анархист, в душе понимая, что атаман всюду прав – нельзя боевых соратников предавать. Ведь выходит, это они с Алексеем всю кашу заварили. Хотели чуток голодающим однополчанам помочь, а сотворили настоящий военный пере-

ворот в городе. Андрюха тяжело вздохнул и с надеждой взглянул в глаза атаману. – И как теперь выкручиваться будем?

– Раздобудь-ка мне шахматную доску с фигурами, – отдал неожиданный приказ командир.

– Какими фигурами играть будешь? – выпучил глаза завхоз, имея в виду белые или чёрные.

– В основном конём ходить, – рассмеялся затейник. Вертелась у него в голове интересная идея. Посмотрев на собеседника, он добавил: – Самая непредсказуемая фигура.

За окном послышался гудок паровоза, на стрелке показался воинский эшелон, шедший в сторону фронта.

– А вот и партнёра Бог послал, – шутливо перекрестился инок. – Андрюха, дуй за шахматами.

– Сей момент, батюшка Алексей, – метнулся к двери проходоха. – Я у телеграфиста доску видел.

Алексей подождал, пока завхоз принесёт клетчатую деревянную коробку с шахматами и, зажав доску под мышкой, вышел на перрон. На минутку задержался у пытящего паровоза. Удовлетворённо улыбнулся, когда в чреве железного гиганта звонко оборвались какие-то тросики, лопнула медная трубка и струйка пара просочилась в кабину локомотива. Провожаемый раздавшимися позади громкими богохульными репликами машиниста, инок неспешно двинулся вдоль вагонов эшелона.

Двери теплушек были сдвинуты в сторону, солдаты прыгнули на перрон перекурить и размять ноги. Алексей обратил внимание на маленькую группку казаков в полевой форме. Особенно его заинтересовал есаул с двумя солдатскими Георгиевскими крестами на офицерском кителе. То, что он ехал не в офицерском вагоне, а вместе с рядовыми однополчанами, сразу понравилось Алексею. Видно, казак выбился в есаулы из низов и предпочитал общество простых бойцов. Такой офицер стал бы идеальной кандидатурой на должность коменданта местного гарнизона.

Придирчивый взгляд странного священника заставил есаула в ответ присмотреться к высокой широкоплечей фигуре в чёрной рясе. Его начищенный, как пряжка солдатского ремня, медный крест контрастировал с потёртой шахматной доской под мышкой. Медленно шествующий по перрону статный инок производил впечатление кадрового офицера, осматривающего солдатский строй. Есаул отбросил недокуренную папиросу и подошёл к странному попу.

– Разрешите представиться, есаул Ефим Подкова, – приложил ладонь к козырьку офицерской фуражки казак. – Батюшка, чем могу помочь? Разыскиваете кого?

– Видимо, уже нашёл, – улыбнулся Алексей и протянул руку для дружеского приветствия. – Рад знакомству. Алексей Ронин – странствующий инок.

– Да, на обычного батюшку вы мало похожи, – почувствовав богатырское рукопожатие, рассмеялся казак.

– Помогите, Ефим, пройти в штабной вагон, – попросил об услуге инок.

– Идите прямо, не собьётесь, – махнул рукой есаул. – В середине состава пассажирский вагон со стеклянными окнами.

– Мне ещё внутрь попасть надо, а у входа часовой, – проявил знание воинских порядков священник. – Да и с вами обсудить ещё кое-что надо до встречи с начальником эшелона.

– Вы меня заинтриговали, господин инок, – пригласил жестом пройтись есаул.

– Много ли станичников сможете по эшелону собрать? – следуя в ногу с есаулом, задал неожиданный вопрос Алексей.

– Десяток наберу. Тут лишь те, кто из госпиталя на фронт возвращается.

– Как вы, господин есаул, отнесётесь к предложению усилить казаками комендантскую роту Александровска? – испытующе глянул в глаза странный инок.

– Не казак выбирает службу, а служба казака, – не отверг заманчивое предложение ветеран. Кровопролитная бессмысленная война народу надоела и ура-патриотизмом уже мало кто страдал. Добровольцы закончились, только присяга и чувство долга удерживали армию от полного разложения. Есаул с подозрением покосился на высокорослого спутника. – Осмелюсь вас спросить, батюшка, а вы кто будете такой?

– Временный хозяин города, – тяжело вздохнув, покаялся попутчику инок.

У лесенки в тамбур штабного вагона стоял часовой с винтовкой на плече, рядом ужом вился шустрый гражданин в клетчатом костюме и шляпе-котелке. Завидев приближающегося высоченного инока в монашеской рясе, нервный субъект опрометью бросился прочь, стремясь затеряться в толпе солдат.

– Не вас ли, уважаемый, так испугался юркий тип? – заметил паническую ретираду казак.

– Напраслину возводят на святого человека, – опять показно-смирненно вздохнул грозный инок. – А я ведь ни одну живую душу в городе не загубил.

– Так вам вроде по статусу и не положено, – почувствовал недосказанность есаул.

– Потому и править городом не смогу. В военное время строгость требуется.

– У казаков не забалуют, – дал неформальное согласие на службу в городе Ефим Подкова и обратился к часовому: – Что за штатский хлыщ тут вертелся?

– Представитель городской управы, ваше благородие, – отрапортовал рядовой. – Передал пакет адъютанту его высокоблагородия.

– Зови адъютанта, скажи, хозяин города в гости пожаловал.

– Будет исполнено, ваше благородие, – поторопился выполнить приказание часовой.

– Командир у вас хоть боевой, или из штабных? – прощупал заранее Алексей.

– Полковник Ковальчук ещё в Японской компании первые ордена получил, – уважительно отозвался о ветеране есаул. – Справный вояка.

Вскоре появился адъютант штаба. Молодой, но толковый, он сразу обратил внимание на зажатую под мышкой священника коробку.

– Часом, батюшка, не бомбу в вагон пытаетесь пронести?

– Желая сыграть партию с господином полковником, – раскрыл коробку с шахматами Алексей. – По ходу игры обсудив важные мирские дела.

– Некогда господину полковнику городские дрязги разбирать, – уже зная содержание жалобы от влиятельных горожан, скривился адъютант. – Обращайтесь в Екатеринослав, эшелон спешит на фронт.

– Пока паровоз не починят, у меня будет время развеять скуку вашего начальника, – удивил новостью наглый инок.

– Дневальный, узнать, что там с паровозом, и доложить! – крикнул в открытую дверь вагона адъютант. Потом придирчиво осмотрел статную фигуру инока, не решаясь предложить полный досмотр. Однако никаких подозрительно выпирающих из-под рясы предметов визуально не обнаружил и дозволил пройти в вагон. – У вас полчаса, батюшка.

– Ну, это как игра сложится, – не согласился с жёстким регламентом наглый посетитель.

Недовольный адъютант провёл строптивного батюшку по проходу вдоль купейных отсеков. Постучал костяшками пальцев по раздвижной дверце купе в середине пассажирского вагона, используемого под штаб. После получения разрешения войти, сдвинул створку двери и жестом ладони предложил гостю пройти, сам при этом занял пост у окна напротив входа. Руку демонстративно положил на клапан расстёгнутой револьверной кобуры.

– Здравия желаю, господин полковник! – строевым шагом ворвался в купе Алексей и вытянулся по стойке смирно. Шахматная доска выскользнула у священнослужителя из-под

мышки и, будто привязанная, упала точно в ловко подставленную ладонь. – Разрешите представиться – поручик Алексей Ронин.

Полковник слегка опешил от такого напора. Отложил на столик развёрнутое письмо, скрестил на груди руки и, наклонив голову, оценивающе глянул на двухметрового молодца в монашеской рясе.

– Мне доложили, что аудиенцию просит хозяин города, – саркастически скривил губы пожилой мужчина с сединой на коротко стриженных висках. – А явился шут. Как изволите понимать сей цирк? Я же велел передать через адъютанта, что у меня нет ни времени, ни полномочий влезать в местные дразги.

– Пока чинят паровоз, господин полковник, я осмелюсь предложить вам сыграть одну необычную шахматную партию, – шагнул вперёд рослый инок и положил клетчатую доску на откидной столик под окном, накрыв отброшенный лист письма.

– Вижу, батюшка, смирение – не ваш удел, – мотнув головой, усмехнулся офицер. – Ну, присаживайтесь, расставляйте фигуры. Какими предпочитаете играть?

– Чёрными, естественно, – заговорщицки улыбнулся ряженный инок и, заняв место напротив полковника, скосил глаз на адъютанта, наострившего уши за раскрытой дверью. – Сожалею, но древнее искусство предполагает участие лишь двух игроков.

– Покарауйте за закрытой дверью, – распорядился полковник, рискнув остаться наедине с таинственным посетителем. – Молодой человек, под древним искусством вы подразумевали шпионаж?

– Контрразведку, – быстро расставляя фигурки по клеточкам, уточнил Алексей. – Надеюсь, в штабном вагоне найдётся достойный представитель этой профессии?

– К сожалению, специалистов не хватает, и все проблемы возложены на начальника эшелона, – горестно вздохнув, развёл руками полковник. – Итак, фигуры расставлены, первыми ходят белые. Поручик, прошу предъявить документы.

– И сказал Господь: не по одеждам судите о человеке, а по делам его, – словно фокусник, эффектно извлёк из широкого рукава монашеской рясы потёртые бумажки Алексей и положил на свободное поле шахматной доски.

Полковник вначале развернул справку с церковной печатью, усмехнулся:

– Легенда у вас, батенька, так себе. Не похожи вы на смиренного инок, а подобную бумажку любой монастырский писарь состряпать горазд – дорого не возьмёт.

Отложив липовую справку, полковник взялся листать странички потрёпанной книжицы загранпаспорта. Изучал придирчиво, даже рассматривал на свет.

– А вот этот артефакт редкий умелец создал, – восхитился произведением эпистолярного жанра штабной офицер. – Лишь первая печать русской погранслужбы чуть размытой выглядит, остальные оттиски как настоящие. И у кого это так фантазия разыгралась, что в паспорт вклеили сразу печати двух дальневосточных империй и отдельного административного округа Макао? Я ведь правильно понял – это португальский герб?

– Оттиски печатей и записи подлинны, – скромно склонил голову странник. – В Японии, Китае и Макао я действительно жил продолжительное время.

– Мне тоже довелось несколько лет нести службу в Порт-Артуре, но я не встречал на документах вот эту странную печать, – показав разворот страниц паспорта, произнёс на плохоньком китайском языке полковник и выжидающе посмотрел на путешественника.

– Это отметка в таможенном пункте Тибета, – на сносном китайском языке пояснил происхождение знака Алексей.

– Вы, молодой человек, и в Тибете успели побывать? – вновь перешёл на русскую речь удивлённый похождениями гостя полковник.

– Ходил с торговым караваном, – скромно пояснил юноша.

– Подозреваю, что «поручик Ронин» – это тоже рабочая легенда, – догадался опытный офицер. Так как прикажете вас называть?

– Действительно, я не странствующий инок, не поручик в отставке и даже не Ронин, – откровенно признался гость. – Но Алексей – моё настоящее имя.

– У вас фантастический паспорт, Алексей, – с хитрым прищуром глянул в глаза парню полковник. – Однако с таким и немецкий шпион может путешествовать по русским тылам. Кто сможет за вас поручиться?

– Судите по делам моим, – смиренно склонил голову ряженный инок.

– Да уж, наслышаны, – хлопнул ладонями по коленкам боевой офицер. – Устроил ты в Александровске ночь длинных ножей. С ротой безоружных дезертиров ухитрился гарнизон местной милиции в плен взять.

– Зря поганые нехристи на доброго человека напраслину возводят, – зажал в кулаке медный крест смиренный инок. – Ведь не единой грешной души не загубил.

– А домов сколько пожёт? – двумя пальцами вытащил из-под шахматной доски примятый лист густо исписанной бумаги полковник.

– Одни лишь подпалины под окнами, – разведя руками, отверг наглый оговор добродетельный батюшка Алексей. – Ну, кое-где чуток крышу порушили для острастки супостатов.

– Гранатами, – усмехнулся полковник.

– Что Бог под руку послал, – пожал плечами невинный божий агнец. – Я в ворогов лихих даже картошкой бросался.

– Результативно? – удивлённо поднял брови офицер.

– Ни одного насмерть не зашиб, – улыбаясь, похвалился богатырь, и лишь потом, вспомнив «случайную» гибель несговорчивого главаря банды, погрузился и перекрестился. – А что до бластного авторитета, так богохульник сам решил долготерпение Господа нашего испытать. Шумнул под сторевшей балкой, ему по башке привет сверху и прилетел. Упокой, Господи, душу окаянную.

– Чего от меня-то хочешь, батюшка? – с прищуром глянул в глаза ряженому иноку начальник эшелона.

– Прошу взять под своё покровительство раскаявшихся грешников, – опять удивил батюшка Алексей.

– Дезертиры решили искупить вину на полях сражений? – не поверил в поднявшуюся волну патриотизма офицер.

– Да, только они пока не знают о своём горячем желании записаться в рекруты, – продолжал удивлять хитрый батюшка. – Но я обещаю сагитировать заблудшие души. Думаю, парочку пехотных рот можно будет сформировать.

– У тебя, прапорщик Ронин, что, солдаты делением умножаются? – обратил внимание на парадокс в математических действиях счетовода в рясе обескураженный полковник. – Ведь, по моим сведениям, на станции только одна рота потеряшек была.

– Так я не о застрывших на станции солдатах речь веду, а об отряде самозванной городской милиции. Оружием все владеть обучены, азы службы прошли. Чем вам плохи такие бойцы?

– Дезертируют при первом удобном случае, – презрительно скривил рот полковник.

– Времена такие, – горестно вздохнул деятельный инок. – Остальная окопная братия тоже охотнее в тыл смотрит, чем на позиции неприятеля. Однако при должном умении можно и со слабыми фигурами партию выиграть. Вчерашний день тому пример.

Опытный офицер понял, что отправкой на фронт пленённого гарнизона Ронин ловко избегается от сил противника в городе. Даже если часть дезертиров сумеет вернуться назад разрозненными группками, у Ронина будет время основательно укрепиться в Александровске.

– Эх, Ронин, мне бы в полк побольше таких грессмейстеров, – с улыбкой глядя на чернявого молодца, помечтал командир.

– В мирские дела смиренному иноку влезать не положено, – скромно опустил глаза баламут в рясе и виновато покаялся: – Восхотелось помочь бывшим однополчанам, вот нечаянно и нарушил устав строгой службы. Я ведь проездом в городе, у меня миссия иная.

– Так ты не останешься хозяйничать в Александровске? – Опять сумел удивить полковника странный агент секретной службы.

– О том, ваше высокоблагородие, у меня к вам будет вторая нижайшая просьба, – склонил голову священнослужитель. – Прошу назначить комендантом гарнизона толкового офицера.

– Самому нужны толковые, – недовольно надул щёки полковник. – Да и кто же сможет в одиночку с ротой бунтовщиков совладать?

– Нашёлся один доброволец, – хитро улыбнулся пройдоха в рясе. – Есаул Ефим Подкова.

– М-м-м, припоминаю, посадили недавно такого казачка мне в эшелон, – наморщил лоб начальник. – Он всё больше с рядовыми общается, в офицерском вагоне ехать не пожелал.

– Такой и нужен, – кивнул Ронин и вконец обнаглел. – А для подмоги есаулу вы, пожалуйста, ещё десяток казаков отрядите. Формально они все в подчинении начальника эшелона.

– А пулемётов тебе, поручик, не надо ещё на станцию отгрузить?! – возмутился такой беспардонностью полковник.

– Пулемётов на складах с избытком, – потупив взор, скромно признался захватчик. – А вот численность роты изрядно поубавится, когда я всех бузотёров за собой к батьке Махно уведу. И есаулу будет сподручнее верных казаков старшинами в гарнизоне поставить. Ему теперь придётся не только станцию контролировать, но и функции разогнанной милиции выполнять. Я, конечно, помогу разрушить до конца материальную базу уголовников и посоветую привлечь бывших полицейских, однако на формирование действенной власти в городе уйдёт какое-то время.

– Да ты, Ронин, не поручик, а настоящий полководец, – рассмеялся ветеран. – С твоими талантами города брать.

– Случайно вышло, – скромно пожал плечами организатор переворота власти в городе и искренне признался: – Не нужен мне Александровск. Моя цель – войти в состав анархистской коммуны.

– И планируешь легализоваться под прикрытием банды дезертиров, – разгадал замысел контрразведчика полковник.

– Мирного отряда adeptов анархизма, – поправил неверную характеристику атаман в монашеской рясе.

– Ладно, почти уговорил, – махнул рукой полковник. – Меняю есаула и десяток казаков на две роты рекрутов. Только где же я их в эшелоне размещу?

– На тупиковой ветке заждались погрузки разграбленные вагоны, – предложил транспорт Алексей. – Как починят паровоз, прицепим к поезду длинный хвост. До узловой станции как-нибудь дотянете, а там по другим составам распределите. Думаю, ни один штаб не откажется от пополнения личного состава. Оружием и военной формой мы новобранцев обеспечим, только лучше бы до линии фронта винтовки им не выдавать и самих рекрутов охранять от соблазнов свободы. Раз уж царя скинули и в Боге разочаровались, то пусть граждане хоть чуток повоюют за отечество.

– Да, поручик Ронин, на коварного немецкого шпиона ты не похож, – внимательно всматриваясь в лицо молодого парня, признал очевидный факт полковник. – Однако на душе было бы спокойнее, если кто-то в штабе смог бы подтвердить факт твоего существования. Уж слишком фантастические у тебя, поручик, документы на руках. Дела и помыслы твои, святой иннок, тоже уж больно чудны. Простой бандит ограбил бы город и сбежал к батьке Махно или к братве в Одессу. Политик-карьерист вцепился бы клешнями во власть. Ты же всё отринул и за судьбу доверившихся солдат беспокоишься.

– Неужели на идейного анархиста тоже не похож? – искренне расстроился Алексей.

– Так ты же, парень, за порядок радеешь, – уличил анархиста в ереси политически подкованный офицер. – Вон как всё логично по полочкам разложил. Тебе место в отделе разведки, боевые операции по захвату и удержанию стратегических пунктов разрабатывать.

– Ну, раз так, то посылайте телеграфный запрос, – обиженно фыркнув, согласился на процедуру опознания личности мнимый контрразведчик. Вины в своих действиях он никакой не чувствовал, а разоблачения не боялся, ведь однозначно категоричного ответа штабисты до вечера дать не смогут. Пока будут в архивных бумагах копаться, эшелон дальше уйдёт, да и самозванца след простынет.

Полковник чуть сдвинул в сторону шахматную доску и, положив чистый лист бумаги на край стола, взялся за карандаш.

– Кому адресовать запрос и какова кодовая фраза?

– Попробуйте обратиться в штаб контрразведки дивизии, к майору Кондрашову Эдуарду Петровичу. – Алексей надеялся, что толковый оперативник сумеет разобраться в ситуации и не станет вредить. – Телеграфируйте дословно: «Коли сами царя не уберегли, то Сын Ведьмы свободен от клятвы. Радею теперь только за отечество».

Полковник ещё добавил лаконичное изложение сложившейся обстановки и выдвинутых предложений деятельного агента.

– Надеюсь, что майор Кондрашов существует и имеет представление о вернувшемся из-за границы чудо-агенте, – сгибая лист, испытующе глянул в глаза страннику полковник.

– Ваше высокоблагородие, даже без формального одобрения вы действуете рационально, – пытался развеять последние сомнения партнёра Алексей.

– То-то и пугает, господин Ронин, что вы просчитали все ходы наперёд, – похвалил опытный штабной офицер. – И с оперативными решениями у вас, поручик, заминок нет. Офицера из строя моих фигур выхватили уже в начале игры. На ход ноги есаула завербовать успели. Пожалуй, с вами, гротмейстер, опасно даже садиться в шахматы играть.

– У меня, как у всякого казака, мастерски получается лишь ход конём, – рассмеялся скромник и двинул фигурку коня через строй чёрных пешек на шахматной доске.

– Ваши неожиданные ходы, господин Ронин, обескураживают, – притворно поднял руки полковник. – Лучше я понаблюдаю за вашей игрой с другими противниками. Мне не терпится увидеть, как вы будете рекрутировать в армию полукриминальный элемент.

– Всё произойдёт согласно законам Русской империи, – нагло подмигнул полковнику вербовщик. – Скажите, я уже могу привлекать есаула к исполнению обязанностей военного коменданта города?

– Бумага выйдет чуть позже, но устный приказ есаул и его казаки получают через пять минут. Будьте добры, господин Ронин, пригласите Ефима Подкову зайти ко мне. И ещё, батюшка Алексей, поведайте старику, когда можно насладиться представлением крещения блудных сынов отечества в святое воинство?

– Через полчаса у стены сгоревшего пакгауза, в конце запасных путей, – назначил время и место лицедейства заезжий режиссёр.

Алексей откланялся и вышел в коридор. В купе тут же юркнул шустрый адъютант. И уже на выходе из вагона обогнал гостя. В руке у службиста был зажат сложенный лист с текстом телеграммы.

– Ефим, пройдите, получите у начальника эшелона приказ о новом назначении, – встретил есаула, курящего под окнами штабного вагона, Алексей и указал рукой в дальний край станционных путей. – Затем поспешите со своими казаками к сгоревшему пакгаузу. Начнём избавляться от балласта.

– Чего? – не понял морскую терминологию станичник.

– Шваль блатную из города выметем, – доходчивее разъяснил стратег в рясе.

– Охотно поддержу благое начинание, батюшка Алексей, – отбросил окурок казак и перекрестился. Статный служитель господина не обманул ожиданий – на время спас станичников от фронтальной мясорубки. Видать, и впрямь хозяин города, раз уважаемый полковник так долго беседу с ним вёл и к мнению столь молодого штатского прислушался. Да Ефим Подкова и сам чувствовал, будто от могучей фигуры инока в чёрном одеянии сила неведомая исходит. Парень даже по лесенке из тамбура вагона так легко сошёл, как казак с коня спрыгнул, лишь слегка опоры коснувшись.

Алексей скорой поступью отправился в расположение комендантской роты. В сторонке от основной солдатской массы уже кучковались отдельной группой дезертиры во главе с Василием Брагиным.

Алексей сначала подошёл к этим трём десяткам мрачных бойцов.

– Вася, веди анархистов на склады, до прихода нового коменданта надо кое-что из имущества вывести. Список у Андрея. Реквизируете все подводы с лошадьми.

– Маловато будет, – разгорелись глаза у анархиста.

– Остальной транспорт потом возьмём в городе, заодно и воровские малины почистим, – обнадёжил хозяйственного мужика атаман. – Со складов лишнего не брать. Охранять до подхода смены караула.

– Слушаюсь, батюшка Алексей, – козырнул солдат и повёл сразу повеселевших бойцов на разграбление захваченного города.

Остальных солдат инок решил использовать статистами в задуманном спектакле по вербовке рекрутов. Алексей приказал снять со сторожевых вышек станковые пулемёты и установить вдоль глухой кирпичной стены сгоревшего пакгауза. Полсотни солдат, вооружённых винтовками с примкнутыми штыками, тоже выстроил в линию чуть поодаль от стены, сразу за пулемётными точками. Тут как раз и казачки с есаулом подоспели.

– Из пулемёта стрелять обучены? – скосил глаз на станичников Алексей.

– Вроде дело нехитрое, – пожал плечами есаул. – Но сперва бы попробовать.

Алексей взмахом руки пригласил подойти казаков к ближайшей пулемётной позиции. Сам сел за станок «Максима» и показал, как заправлять ленту и регулировать винтом высоту подъёма ствола.

– С прицелом, думаю, вопросов не возникнет, – поводит ствол по сторонам боевой инок. – С закреплённой станины стрелять даже проще, чем лёжа из винтовки. Только бить лучше короткими очередями, если навык ещё слабоват.

– А слабо вам, батюшка, самому класс показать в стрельбе? – решил испытать попа на прочность самый шустрый казачок с вихрастым чубом, выбивающимся из-под надетой набекрень фуражки.

Есаул не одёрнул говорливого станичника, сам с любопытством глядел на легендарного Сына Ведьмы. Успел солдатский телеграф кое-что поведать о его былых фронтовых подвигах.

– Укажи, языкастый отрок, пулевыми отметинами края строки кирпичной кладки, – качнул головой в сторону длинной глухой стены пакгауза чернородый инок.

Молодой казак лихо вскинул к плечу кавалерийский карабин и навскидку произвёл первый выстрел. А вот со вторым произошла долгая заминка, никак не удавалось поворотом ствола отследить через прорезь прицела выбранный ряд кирпичей. Но глазомер у юного стрелка оказался неплохим, рука верной – вторая пуля угодила точно в тот же ряд.

– Теперь твой черёд, батюшка, удаль показать, – задиристо мотнул чубом лихой казачок.

– Смотрим в прорезь прицела, – неспешно комментировал свои действия мастер. – Винтом выставляем высоту. Поворотом ствола наводим мушку под край цели и ведём огонь вдоль выбранной линии.

Пулемёт, гулко загрохотав, выдал длинную очередь. Шар из пыли и кирпичной крошки с шумом прокатился вдоль кирпичного ряда, оставляя за собой клубящийся в воздухе оранжевый шлейф.

Эхо от выстрелов стихло вдали. Налетевший ветерок рассеял пыль. На кирпичной стене появилась прямая длинная борозда из глубоких выбоин, будто кто зубилом под линейку нанёс. По солдатскому строю прокатился восторженный гул восхищённых голосов.

– Эдак со станка и я могу ровно строчить, – не сдавался бойкий казачок.

– Зелен ты ещё, Тихон, с настоящим мастером тягаться, – отвесил подзатыльник молодому станичнику есаул. – Лучше бы извинился перед батюшкой Алексеем за дерзость.

– Дозволь, есаул, стрелнуть, – подняв с земли сбитую фуражку, надул губы упрямый юноша.

– Для того и учения устроили, – уступил позицию у пулемёта инок. – Практикуйся, боец.

Ловкий казачок не стал менять высоту прицеливания, навёл мушку под край выбитой линии и нажал на гашетку пулемёта. Агрегат бешено завибрировал в неопытных руках. Пылевое облако прошло уже проторённым путём, только вот, когда пыль рассеялась, новые выбоины неравномерными кучками усеяли кирпичные ряды выше и ниже прочерченной ровной линии.

– С одной же позиции стреляли, – обескураженно глянул на строптивый механизм обиженный казачок. – Один пулемёт. Что не так-то?

– Все карабины, Тихон, тоже на одном заводе деланы, – весело рассмеялся есаул, – только в разных руках по-своему стреляют.

Казачки и солдаты дружно расхохотались.

Тихон встал на колени и покаянно склонил голову перед Алексеем.

– Прости, батюшка, за дерзость. Ты и впрямь великий воин.

– Сейчас всего лишь скромный инок, – наложил крестное знамение на чело казака священнослужитель. – И не по статусу мне в мирские дела влезать, однако советы и поучения давать не воспрещено. Есаул, отойдём в сторонку, пошепчемся.

После краткой беседы есаул сдвинул на затылок фуражку и почесал лоб.

– Ну и хитёр ты, батюшка Алексей, у тебя ни одна пуля зря не пропадёт.

– Чтобы зря не пропала, посади своих казачков за пулемёты, а под колени им кирпичной крошки насыпь, шинелькой прикрой и прикажи сидеть не шелохнувшись. Тут под стеной полно битого кирпича рассыпано, – продолжал чудить батюшка.

– Пошто станичников зря мучить? – нахмурился есаул.

– Уж больно лики у твоих казаков благостные, – подмигнул инок и поведал очередную хитрость: – А мне за пулемётами злобные рожи потребны.

Есаул взял командование «парадом» на себя и всё исполнил в точности. Поэтому, когда толпу пленных вывели из пакгауза и поставили вдоль длинной, истерзанной пулями стены, то злые напряжённые физиономии казаков произвели нужное впечатление на разом притихших блатарей. Даже подошедшему поглазеть на представление полковнику показалось, что казаки выглядывали из-за пулемётов, как голодные злые цепные псы из собачьей будки. Спустит хозяин с цепи, и разорвут стайку дворовых котов на кровавые ошмётки. Солдатский строй, оцетинившийся зловецом сверкающими на солнце штыками, тоже не добавлял оптимизма блатной компании.

– Требуем суда по законам Временного правительства! – раздался выкрик какого-то оптимиста из глубины толпы пленников, растянувшейся вдоль стены. – Нам Керенский свободу дал.

– Дезертиров судят по законам военного времени, – вышел чуть вперёд есаул и поднял оголённую шашку. – И мера наказания одна – расстрел! Рота, цельсь!

От такого резкого оборота дела у блатной братвы дыхание перехватило. Никто, оказывается, не собирался возиться с преступниками. Каждый знал грешок за собой, но настоящих

дезертиров были единицы. Большинство из пленённых урок только весной вышли по амнистии из тюрьмы и даже никем не призывались на фронт.

– Приостановите казнь! – внезапно разнёсся громкий голос вышедшего из-за спин солдатской шеренги чернобородого верзилы, облачённого в монашескую рясу. Лик его тоже был грозен, но поднятый над головой медный крест сверкнул лучом надежды. – Есаул, дайте шанс грешникам покаяться перед смертью.

В толпе обречённых взорвался общий крик. Все зывали к справедливости, но никто не решался шагнуть из тени от высокой стены пакгауза к залитой солнечным светом полосе, контролируемой чёрными зрачками винтовочных и пулемётных стволов.

– Кто желает покаяться и вступить в святое воинство, дабы искупить свою вину кровью – сделайте шаг к истинному свету и преклоните повинную голову! – громко, нараспев, читал, словно молебен служил, рослый батюшка. Он не слушал суетных оправданий грешников, а лишь призывал к спасительному действию.

И, будто подгадав момент, налетел жуткий порыв ветра, поднявший из-под стены наметённую временем пыль. Серое облако удушливой волной накатило на грешников, засоряя глаза и забивая ноздри. Почти на ощупь люди неосознанно делали шаги к спасительному свету. Лишь выйдя на солнечную сторону, они чувствовали невероятное облегчение, словно сбрасывали с плеч невидимый давящий груз. Дышать становилось легко и свободно, только глаза слезились, очищаясь от пыли тёмной скверны.

Откуда ни возьмись, перед бредущей к свету плачущей паствой возникли письменные столы с форменными бумажными бланками. Требовалось лишь вписать личные данные рекрута и получить подпись. По уговору с полковником присланные писари споро оформляли документы почти что добровольцев. Никто из ступивших на спасительный путь грешников не желал возвращаться в давящее душу и тело серое марево в тени гиблого пакгауза. Люди надеялись на продолжение жизни, на возможность сбежать по пути следования эшелона к фронту или чуть позднее уползти из полевых окопов. Может, кого-то поймают, может, расстреляют, но шансов выжить потом будет гораздо больше, чем у оставшихся стоять под прицелом обзолённых казаков. Суровых палачей не разжалобить стенаниями о гуманности и милосердии законов Временного правительства. В том, что псы самодержавия с удовольствием разорвут дезертиров на части острыми зубами пулемётных лент, не сомневался никто.

Когда все грешники единодушно подписались в мобилизационных документах, рекрутов построили в длинную колонну и под конвоем повели на склады переодеваться в солдатскую форму. Лишённые вожakov, усталые и голодные, полностью деморализованные бандиты понуро брели по запасному пути, спотыкаясь о шпалы.

– Отлично сыгран спектакль, господа, – подойдя к Алексею и есаулу, похлопал в ладоши полковник. – Я сам чуть не прослезился, глядя на искреннее раскаяние грешников. Да и остальная массовка у вас хороша. Особенно замечательно казачки роли палачей сыграли. Я уж подумал, что кто-то из них вот-вот сорвётся и полоснёт пулемётным огнём по толпе. Фарс удался на славу.

– Приказа не было, потому и не стреляли – недовольно нахмурившись, козырнул начальнику эшелона новый комендант города. – Господин полковник, разрешите обратиться к батюшке Алексею?

– Могли бы, есаул, и не спрашивать разрешения, – криво усмехнулся полковник. – После телеграфной «молнии» из ставки командующего фронта я теперь уж и не знаю, кто тут чином старше.

Есаул на несколько секунд опешил, но, не ведая воинского звания руководителя операции, решил пока к важной фигуре обращаться по-граждански:

– Батюшка Алексей, главарей разгромленной банды расстреливать будем по-настоящему или мне казаков убирать от пулемётов?

– Уводи станичников, – милостиво махнул ладонью инок. – Я супостатов другим методом обезврежу.

Есаул отдал честь странному иноку и, круто развернувшись на каблуках, строевым шагом отошёл от двух командиров выше его по рангу.

– Вы, господин Ронин, – не ведаю вашего истинного воинского звания, – внушаете к себе уважение даже незнакомым офицерам, – завистливо улыбнувшись, покачал головой полковник и достал из кармана кителя скомканную бумажную ленту телеграммы. – А знакомые предостерегают от любого конфликта с вами. Так мне и телеграфировали: «Категорически запрещаю вступать в конфронтацию с упомянутым объектом. Все согласованные с ним действия считаю оправданными. Любую некодированную передачу информации о нём запрещаю. На узловой станции немедленно обратиться к начальнику отдела контрразведки и передать подробный письменный отчёт о произошедшем контакте с объектом. После личного ознакомления объекта с содержанием приказа телеграмму сжечь. Подпись: полковник контрразведки фронта Кондрашов Э. П.»

И это начальник эшелона ещё не знал, какой он устроил переполох в штабе контрразведки своим запросом о Сыне Ведьмы. Дежурный офицер нижнего звена управления, ознакомившись с текстом, сразу смекнул, что тыловые гарнизоны городов захватывают в плен не каждый день. Зашифровав запрос, не сомневаясь в срочности, он направил его «молнией» в штаб фронта, логично рассудив, что там быстрее найдут нужного адресата. Кондрашова, хоть уже и не майора, в штабе знали и немедленно связались по телефону. Услышав кодовое сообщение о царе и Сыне Ведьмы, опытный контрразведчик понял, что такие детали мог знать только Алексей Ермолаев. Отложив текущие дела, полковник быстро изучил лаконичный текст и приказал дать ответ «молнией» высшего приоритета.

Эдуард Петрович меньше бы встревожился по поводу спущенной на дирижаблях в тыл нашим войскам роты немецкого десанта, чем появлению в провинциальном Александровске Сына Ведьмы. Чтобы справиться с немецким десантом, и пехотного батальона будет с лихвой, а вот Сына Ведьмы в условиях плотной городской застройки и полноценный полк не остановит. Кондрашов отлично помнил, как казак в одиночку вырезал в зимнем лесу полроты отборных егерей. И офицер считал большой своей заслугой, что отправил лихого революционера-головореза подальше в Сибирь. То, что парень долго там не задержится, он тоже отлично понимал. Однако, зная о романтических устремлениях юноши, надеялся направить его энергию на разрушение несправедливого общественного строя где-нибудь на американском континенте. А дошедшая через полгода информация о смерти Ермолаева и двух его дружков на Сахалинской каторге искренне развеселила офицера. В казнь Сына Ведьмы через повешение знающему чудо-казака офицеру не верилось. Алексей верёвки мог рвать, как гнилые нитки, богатыря цепью не удержать, а тут просто позволил себя повесить?

Два года о Сыне Ведьмы слуху не было, и вот, как только царь отрёкся от престола и данная казаком клятва потеряла силу, чудотворец появился вновь. Хотя что-то долго он до родных краёв добирался, видимо издалека шёл. Неужели из Америки? Удалось ли всё-таки повоевать юному романтику за обиженных индейцев?

Кондрашова успокаивало лишь то, что после всех жизненных перипетий парень остался наивно честен. Не раздумывая, заступился за обиженных однополчан. А так как силы у Сына Ведьмы немерено – одним махом город захватил. Однако и ума паренёк тоже нажил – ловко решил вывести товарищей из-под удара. Не такой уж он теперь наивный простачок, хитро все разрубленные концы связал. Интересно будет узнать подробности всех его действий, чтобы оценить возросший потенциал исходящей опасности. Хорошо, хоть известил, что не враг и за отечество по-прежнему радуется. Только вот правда теперь у всех разная. Как бы романтик-революционер не решил начать отстреливать за обиды «краснокожих» всех подряд «бледнолицых».

Исходя из таких соображений, Кондрашов и решил послать Сыну Ведьмы ответную дружественную весточку. Парень толковый – поймёт, что не время раздувать пожар мировой революции на обломках рушащейся империи...

Начальник эшелона поджёг скомканную телеграфную ленту. Огонь алым язычком слизнул печатные буквы, обращая заодно и бумагу в чёрный пепел. Однако незримая нить связи уже соединила двух абонентов на противоположных сторонах готовой вспыхнуть баррикады гражданской войны.

У каждого своя правда, а вот отечество одно на всех.

Глава 4. Знахарь

После мобилизации рядового состава городской милиции пришло время заняться главарями и пошарить по закромам бандитов. Алексей дождался возвращения со склада отряда посланных мародёров, проверил груз на пяти подводах – не прихватили бы чего лишнего жадные анархисты. Но дисциплина в рядах дезертиров оставалась ещё на воинском уровне, обо-брали склад точно согласно списку. Андрюха, конечно, не удержался прибрать к рукам кое-что сверх того, однако вещи были в хозяйстве полезные, и атаман не стал журить завхоза за инициативу.

– Василий, поставь трёх бойцов в караул возле стоянки, – приказал старшине анархистов Алексей. – Остальные пойдут конвойными. Выводи из караулки пленных главарей банды, будем отступные с них брать.

Матёрых уголовников поставили к испещрённой пулевыми отметинами кирпичной стенке пакгауза. Никто из пленных уже не стал призывать к исполнению законов Временного правительства, облик конвоиров к таким мыслям не располагал. Солдаты ещё были наряжены в форму, но расстёгнутые гимнастёрки и закатанные рукава характеризовали внутренний настрой анархистов. Суровые небритые лики кротостью не светились – форменные разбойники с большой дороги. И прозвучавшие требования ряженого попа тоже не разочаровали:

– Грешники, очистите душу от скверны! – грозя поднятым над головой медным крестом, призвал расстаться с награбленными сокровищами чернородый инок. – Поделитесь золотом с неимущими.

– Сколько, батюшка, с каждого братана возьмёшь? – попытался перевести на деловой лад задушевную беседу самый наглый из бандитов.

– Всё, что на чёрный день припасли, – категорично заявил Алексей.

– А коли в отказ пойдём? – скривил недовольную физиономию бандит.

– Жадюги чёрный день не переживут, – недобро усмехнувшись, опустил руку с крестом суровый инок.

– Каковы гарантии? – не унимался гуттаперчевый бандит.

– Покаявшегося грешника сразу отпускаем на волю, – клятвенно перекрестился инок. – Поочерёдно обходим все блатные малины и чистим от скверны бесовской. Кто честно укажет тайные схроны – свободен. Думаю, тут собрались люди авторитетные, мелочь по карманам граждан не тырили – достойный взнос на благое дело сделают.

Опытные урки загодя создали по несколько тайников, поэтому надеялись откупиться половиной нажитого. Если сегодня сохранят жизнь, так потерянное смогут восполнить чуть позже. Упираться смысла не было. Чужаки не могли знать истинной величины спрятанных сокровищ. То, что местный банк ограбили и состоятельных горожан пощипать успели – этого, конечно, не скроешь, но ведь точную долю каждого поделника знал лишь пахан, а ему чёрный инок первому голову свернул – покойник уже не продаст.

Бандиты больше не стали препираться, покорно склонив головы. Под конвоем почти трёх десятков штыков группа пленных понуро побрела по городским улочкам. Сначала посетили подворье, где квартировал покойный главарь шайки. Братве пришлось в качестве первого взноса сдать мешки с бумажными керенками, которые «милиционеры» выгребли из городского банка и припрятали в подполе. Тут Алексея ждал ещё один неожиданный бонус – семь новеньких пулемётов «Максим» с горкой коробок пулеметных лент, набитых патронами. Запасливый пахан ещё стащил с оружейного склада самый дорогой товар – целый ящик с заграничными маузерами. Патроны в промасленных пачках тоже прилагались в изобилии. Оставлять такой грозный схрон горожанам Алексей не стал, самому дефицитный товар пригодится. Андрюхе

даже не пришлось уговаривать атамана, казак к хорошему оружию был не равнодушен. Трофеи – дело святое.

– Грузите первый взнос в подводы, и дальше двинем по адресам, – остановил разыгравшееся мародёрство Алексей.

– Мало лошадей и подвод, чтобы всё ценное вывести одной ходкой, – загорелись алчным огнём глаза старшины анархистов. – Батюка, дозвожь братве барахлишко на плечи взвалить.

– Василий, разрешаю бойцам переодеться в цивильные костюмы, если по размеру подходят, – смилостивился атаман. – Зипунами пусть пленных грузят, до следующего подворья помогут дотащить, а там лошадьми разживёмся. Подвод брать по одной на брата, а вот лишних лошадей можно заводными позади телег привязывать. Сверх меры животину не грузить. Брать только оружие и зимнюю одежду, а из провианта в первую очередь консервы, копчёную колбасу и мясо. Остальное съестное, если место в телегах останется. Нам ещё почти дюжину малин дотемна почистить надо.

– Батюшка атаман, хлопцы готовы и ночью так воевать! – охотно отдал воинскую честь бравый солдат Василий Брагин.

– Прикажи бойцам не расслабляться, – кивком одобрил боевой настрой Алексей и предостерёг: – Деньги и оружие охранять усиленно. Городские недобитки могут попытаться напасть на караван.

– Пусть только сунутся, супостаты, – зло оскалился дезертир. – За своё добро мужики насмерть драться будут.

– А вот смертей нам не надо, – огладил бороду ладонью благообразный инок. Алексей контролировал обстановку колдовским зрением и загодя мог жестоко пресечь атаку, но лишнего кровопролития не желал. – Работаем быстро и слаженно, на мелкое мародёрство не отвлекаемся. Брать только, что я дозволил. Дотемна реквизицию закончить. Половину телеги держать в резерве пустой, Андрюха туда дефицитный товар догрузит, по особому моему указанию. Кликни сюда завхоза.

Когда подбежал недовольный труженик тыла – пчёлку от сладкого нектара оторвали, – Алексей шёпотом приказал:

– Выбери парочку солдат понадежнее и задержишься на подворье. Я там, в левом углу двора, угольком стрелочку на стене намалевал. На глубине в полметра зарыт сундучок, обитый железом. При солдатах не вскрывать. Просто загрузите в телегу и догоняйте обоз. Узнай адрес следующей остановки у Василия. Там я тоже дам наводку на тайные схроны, выгребать будешь только после ухода каравана дальше по маршруту. Ничего постороннего больше не брать.

– Батюшка атаман, как же без моего догляда? – горестно всплеснул руками хозяйственник. Столько добра пройдёт мимо его загребущих лапок.

– Самое ценное будешь подбирать ты, – хитро подмигнул надёжному партнёру Сын Ведьмы. Уж он-то колдовским взором видел, где остались нетронутые копилки бандюков. Зря урки надеялись провести доверчивого батюшку. И первым вкладом станет закопанный в землю общак всей воровской братвы. В сундучке хранились не пачки с дешёвыми керенками, а сплошь золотые монеты и бижутерия с бриллиантами.

– Пожалуй, намекну-ка я дворовой челяди, что завтра мы добирать товар вернёмся, – задумал подстраховаться хитрый казначей. – Пусть синицу в руках спасают, а не за журавлём по городу гоняются.

– А вот это дельная мысль, – улыбнувшись, хлопнул по плечу сообразительного товарища атаман. – Пусть растаскивают остатки добра по хатам, до конца подрывая материальную базу бандподполья. Без золотого запаса опозоренным главарям будет трудно собрать новую шайку.

После разграбления второй базы бандитов, Алексей отпустил бывшего хозяина, вселив надежду в оставшихся грешников. Однако, для подстраховки, дал волю, только достигнув ворот следующей базы. Перед самым уходом тот незаметно сунул Андрею в руку бумажку со

схемой расположения нескрытых тайников. Казначей опять чуть дольше задержался в бывшей воровской малине, добирая сладкие остатки.

Таким же порядком следовали дальше, пока не обчистили все кладовые. Сопротивления, кроме визга и ругани боевых подруг воровской братии, отряд анархистов не встретил. Не было готово блатное сообщество к столь неожиданной экспроприации. Да и не осталось бойцов у организованной преступности, большинство «милиционеров» отбыли для защиты отечества «добровольцами» на фронт, а единицы недобитков залегли по воровским норам. Быстро в шайку не собрать – продавшимися авторитетам нет веры.

Однако Алексей не рискнул оставить золотой караван в городе. Наверняка власти Екатеринослава уже прознали про дела в уездном Александровске и попытаются привлечь для борьбы с преступностью в городе боевые подразделения проходящих эшелонов. Пока бандиты делились награбленным с губернскими чиновниками, никто не интересовался разбоем в провинциальном городке. Но заезжим гастролёрам спуска не дадут ни продажные чиновники, ни воровское сообщество.

В полночь длинный обоз тихо вышел из-под защиты военного гарнизона и незаметно проскользнул за городскую черту. Выкатившись на просёлочную дорогу, не останавливали коней до утра. Лишь достигнув ручья, Алексей приказал разбить полевой лагерь и выставить караул. Люди вымотались, но не роптали. Каждый знал, ради чего страдал – груз на телегах и выюки на конских боках грели душу дезертирам. За такой куш мужики готовы были сражаться хоть с сотней бандитов, хоть с полноценной жандармской ротой. Расчехлённые пулемёты, установленные на подводах поверх мешков и ящиков, вселяли уверенность в силе анархии. Невозмутимость мудрого атамана тоже немало способствовала высокому боевому духу в отряде.

Алексей видел, что на многие мили вокруг нет никакой угрозы, можно дать людям и лошадям отдохнуть до полудня. Поэтому не стал журить клевавших носом караульных. Сам он успел ночью несколько часиков вздремнуть в автоприцепе и надеялся ещё чуток поспать после привала, когда караван вновь тронется в путь. До предела загруженные подводы должны к вечеру доехать до Гуляйполя, а там уж братья-анархисты в обиду не дадут.

В свете закатных красок небосклона пылящая по дороге вереница телег устало вползла на окраину большого села. Пастушок, гонящий стадо коров с пастбища, кнутовищем указал путникам дом сельского совета. Пыхтящий клубами дыма автопоезд свернул в сторону от большака и повёл за собой натужно поскрипывающий тележными осями караван к белокаменному строению. Перед длинным двухэтажным домом с колоннадой у парадного входа раскинулся просторный зелёный луг. На него-то Алексей и вывел караван.

Высокие двери с застеклёнными створками выпустили дородного пожилого мужчину в стильном отутюженном костюме. Однако он не стал спешить навстречу незваным гостям, а прислонился плечом к каменной колонне крыльца и неторопливо раскурил трубку. Сизые завитки табачного дыма окутали седые бакенбарды на бледном одутловатом лице.

Со стороны боковой двери левого крыла строения показалась группка серьёзных мужиков с винтовками в руках. Возглавлял отряд невысокий командир с густой копной прямых чёрных волос, выбивающейся из-под надвинутой на лоб папахи. Острый взгляд прищуренных глаз настороженно ощупывал чужаков. Особое внимание атамана привлекли установленные поверх гружёных телег пулемёты с заправленными патронными лентами. Не внушали доверия и запялённые одежды возничих, эдакая яркая смесь модных цивильных костюмов с элементами солдатской формы.

Пройдя вдоль вереницы подвод, атаман с товарищами достиг головы колонны. Попыхивающий дымом автопоезд сильно удивлял, как и замерший рядом здоровенный двухметровый поп с массивным медным крестом на груди. Намётанным глазом определив в молодом детине, обряженном в монашескую рясу, главаря прибывшей шайки, местный начальник, не чинясь, подошёл знакомиться.

– Нестор Иванович Махно, – первым протянул рослому парню руку худощавый тридцатилетний мужчина. – Старшина анархистской общины Гуляйполя.

– Алексей Матвеевич Ронин, странствующий инок, – крепко пожал ладонь не по-местному загорелый бородатый молодец.

– Мы с братвой испужались, что отряд продразвёрстки пожаловал в неурочный час, – дружелюбно улыбнулся гостям местный атаман. – Давеча мы крохоборов припугнули ружейной пальбой. Думали, что теперь супостаты с пулемётами пожаловали зерно у крестьян за бесценно отнимать. Куда путь держите, странники?

– Да уж пришли до места, – удивил инок. – Желаем вместе с тобой, Нестор Иванович, анархизм строить.

– Помощники нам нужны, – окинул взглядом притихших на возах солдат Махно. – Вижу, не с пустыми руками в общину вступать пришли. Только вот земли лишней в селе не осталось. Всю отобранную у помещика уже поделили между безземельными крестьянами. Разве что согласитесь пойти в работники к солдатским вдовам, тогда распределим по дворам. Национальностью или чужой верой попрекать не станем – в анархии все являются свободными братьями. Ничьей диктатуры власти анархия не терпит. Все общественные вопросы решает народный сход. Старшин выбираем временных. Оружие распределяем среди граждан и на защиту анархии встаём всем обществом. Если согласны с анархистским укладом, то охотно примем в ряды вольного братства.

– Согласны, батька Махно! – за всех ответил Василий Брагин и оглянулся на товарищей. Дезертиры активно закивали.

– А вот вам, батюшка, – с иронией посмотрел на безмолвствующего инока Махно, – работу по специальности предложить не могу, есть в селе уже свой поп.

– Ну так ведь анархия предполагает полную свободу выбора, – усмехнулся странный инок и скосил глаз на богато одетого буржуа, замершего у каменной колонны. – Чай, не все в коммуны вступили. Вон, на крыльце, вижу, единоличник стоит.

– Есть в селе и несознательные единоличники, – скривился, как от горькой редьки, поселковый старшина. – При анархии каждый волен жить свободно, без указки властей. Однако общественная справедливость должна соблюдаться. Каждый имеет земли и имущества сколько сможет использовать. Вот у местного барина и изъяли в общественное пользование лишнюю землю и коней. Оставили ему лошадь с коляской да вот этот луг. Левое крыло дома и все хозяйственные постройки тоже к обществу отошли. Всё равно ему одному не использовать. Но мы не грабители, лишнего не отнимаем. Деньги там и разное нажитое барахлишко – всё при хозяине осталось. В доме только свободное гостевое крыло к обществу перешло. Разве это не справедливо?

– Справедливо, Нестор Иванович, – с улыбкой признал юный анархист и поймал батьку на слове: – Значит, всё имущество, что я смогу использовать на благо общества, можно при себе оставить?

– И тем, которым в личных целях пользуешься, тоже владеть не возбраняется, – опрометчиво подтвердил притязания хитрого инока сельский старшина.

– Ну тогда пять первых телег вместе с конями мои, – огорчил Алексей.

– А не жирно ли одному? – нахмурил брови батька Махно.

– Так я же с товарищами, – кивнул на Андрея и Вито деловой инок. – Когда тут лечебницу организуем, ещё нужных людей подтянем.

– Никак ты, батюшка, и в медицине смыслишь? – удивлённо посмотрел на странного монаха Махно.

– В нетрадиционной, – скромно склонил голову инок.

– Знахарь, что ли?

– Можно и так назвать, – усмехнулся знаток народной медицины. – Только обучали меня старые практики, поэтому методика лечения сильно отличается от современной.

- И где учили? – с прищуром глянул на странного лекаря Махно.
- Курс военно-полевой хирургии прошёл на линии Юго-Западного фронта, а общую медицинскую практику получил в Китае.
- Эх тебя, батюшка, по миру бросало, – завистливо вздохнув, мотнул головой удивлённый революционер и натужно кашлянул в кулак. – А я только по родному краю бродил, да ещё по тюремному двору изрядно покружил. Может, ты и чахотку лечишь?
- Самостоятельно ещё не пробовал, но со стороны наблюдал за процессом излечения, – пожал плечами Алексей. – Один мой товарищ по Сахалинской каторге прошёл в Китае полный курс – выздоровел.
- За что сам-то сидел? – догадался о тёмных пятнах в биографии ряженого инока бывалый узник.
- За политику, – не стал скрывать анархист со стажем.
- Я тоже за политику, – гордо вскинул голову батька Махно.
- Ну, значит, будем теперь вместе анархистское общество строить, – открыто улыбнулся Алексей и подмигнул. – Только у каждого своя свобода творчества.
- Не желаешь идти под мою руку, становись рядом, – согласился с личной свободой соратника старший анархист. – Только скажи хоть, что в твоих телегах за добро осталось?
- Две большие армейские палатки, тюки медикаментов и бинтов, – принялся тыкать пальцем в гружёные доверху повозки Алексей. – Консервы, инструменты, ящик с динамитом, ящик с пистолетами, патроны к ним и пулемёту, ещё...
- А пистолеты и пулемёт тебе, знахарь, зачем? – не хотелось упускать из рук нужные в хозяйстве вещи батьке Махно.
- При анархии армии нет, каждый сознательный гражданин должен встать на защиту свободы, – напомнил пункты анархистского учения молодой коллега.
- Так священникам самим убивать вроде как страшный грех, – попытался отжать ценное имущество хозяйственный старшина.
- Я буду лишь направлять адептов анархии, указывая верные цели, – смиренно опустил голову праведный инок. – Ещё постараюсь хорошо обучить свою паству военному делу, имеется у меня богатый опыт.
- Уж в этом я не сомневаюсь, – криво усмехнувшись, окинул стройную фигуру атлета Махно. На мирного богемельца высокорослый широкоплечий крепыш походил мало, скорее смахивал на переодетого борца или царского гренадера из отборной роты. – Чёрт с тобой, батюшка, оставляй один пулемёт себе, авось обучишь кого сносно стрелять.
- Дозволь, Нестор Иванович, поставить палатки на этом чудесном лугу, – окинул взором зеленеющий простор Алексей.
- А вот об этом, товарищи единоличники, договаривайтесь между собой, – мстительно усмехнулся сельский старшина и кивнул в сторону бывшего помещика. – Данным наделом владеет Борис Николаевич Метельников. В агрономы к нашей коммуне идти не захотел и землю под пахоту не отдал. Может тебе, батюшка, в аренду сдаст – потолкуй с куркулём.
- Говорили громко, содержание всей беседы было отлично слышно на крыльце дома. Поэтому Алексею не пришлось заново объяснять суть просьбы. Когда он подошёл к хозяину, тот лишь пыхнул трубкой и махнул рукой.
- Независимые люди должны держаться друг друга. Как только расположитесь, господин Ронин, заходите, чаю попьём, о делах потолкуем.
- Спасибо, Борис Николаевич, через час обязательно загляну, – вежливо склонил голову Алексей. Спокойный вид недавно ограбленного владельца имения ему понравился.
- Большие палатки решили пока не ставить, телеги и автопоезд расположили по кругу, лошадей завели внутрь охранного периметра. Лагерь обустроивали по-походному, как привыкли за время опасных странствий. Огородили метровыми кольями, между которых натянули

двойной ряд стальной колючей проволоки. Каждую жилу подключили к клеммам ящика с конденсаторами. Удар тока надёжно отгонял крупную любопытствующую живность.

Завистливые взгляды сельских аборигенов говорили о горячем желании запустить лапу под брезентовый тент на чужих телегах. Конечно, исключительно из чистого любопытства – люди-то вокруг лагеря вертелись сплошь с одухотворёнными честными лицами, только самогоном с их стороны попахивало сильно.

Заканчивая фортификационное сооружение, добрый батюшка Алексей пожелал всем гуттаперчевым селянам интересной познавательной ночи.

– Пусть познакомятся неучи с электричеством. Надо нести свет науки в тёмные народные массы. Вито, подготовь иллюминацию, подключи прожекторы к контактному реле.

– Сирену включать будем? – деловито взясь с охранной сигнализацией, спросил Лосано.

– Нет, пусть крикуны сами глотки рвут, – решил не будить всё село дикими звуками добрый батюшка. – Матюги местным собакам привычнее слышать, быстрее успокоятся. Не переусердствуй там с напряжением и силой тока, мне молчаливые покойники не нужны, пусть поджаренные живчики других охочих мародёров распугивают истошными визгами.

– Выставлю, как делал в селе под Новосибирском, – колдуя над электрической схемой, пообещал учёный испанец.

– Да, весело тогда получилось, – вспомнил голосистых воришек Андруха, – только, атаман, на вторую ночь наученная братва с деревянными кольями припрётся. Опять отстреливаться придётся.

– Может, и придётся, но не нам, – задумал какую-то новую хитрость мудрый предводитель. – Закрывайте периметр и укладывайтесь спать в автоприцепе, намаялись за день, а я с хозяином пойду побеседую.

– Ох, когда бы я ещё на мешках с пачками денежных ассигнаций поспал, – не протестовал против таких неудобств отрядный казначей. Весь пол в автоприцепе был завален конфискованным воровским капиталом.

– Алексей, а ты где заночуешь? – забеспокоился Вито, вспомнив, что верхняя спальная полка тоже вся заставлена сундучками и саквояжами с сокровищами.

– Мне не привыкать под звёздами спать, – мечтательно глянув на темнеющее небо, вспомнил босоное детство казак. – Лягу на крыше, в обнимку с «Максимкой». От него так хорошо машинным маслом пахнет, вот бы мне в детстве с такой машинкой поиграться.

– Зато уж на фронте, помнится, вволю натешился, – сонно зевая, напомнил сослуживец.

Фронт Алексею вспоминать не хотелось, ничего романтического в массовой кровавой бойне он не находил. А вот военная техника казаку нравилась.

– Вито, что это за странная железная мачта на проволочных растяжках установлена за домом? – заподозрил в конструкции какое-то необычное техническое устройство Алексей.

– Радиоантенна, – взглянул на мачту испанец. – Очевидно, у хозяина дома имеется длинноволновый радиоприёмник.

– Ты раньше мне о подобной технике не рассказывал, – обиженно нахмурил брови любознательный ученик автоконструктора.

– Повода не было, – пожал плечами преподаватель. – Это что-то типа телефона, только передача сигнала идёт не по проводу, а прямо по воздуху электромагнитными волнами. Если передатчик слабый, то сигнал дают короткими и длинными импульсами.

– Как ключом в телеграфе, – уже знал некоторые принципы передачи Алексей.

– Да, комбинациями точек и тире, – поучал наставник. – Но если передающая станция мощная или находится в прямой видимости, то возможна передача в телефонном режиме.

– Хозяин дома может общаться с удалённым абонентом даже без проводной линии? – восхитился парень.

– Нет, он может только слушать далёкую мощную станцию, – замотал головой испанец. – Для того и установлена высокая мачта антенны, чтобы ловить далёкий сигнал.

– Насколько дальний? – Любопытство разжигало внутри Алексея желание познать неведомое. – Из столицы Руси?

– Даже из моего родного Мадрида можно услышать испанскую речь, – загрустил странник.

– А из Америки? – загорелись глаза у Алексея.

– С любой точки земного шара можно уловить посланный сигнал. Только для чёткого приёма нужна очень высокая антенна и мощная передающая станция, иначе одни хрипящие шумы услышишь.

– У меня появилась новая причина поближе познакомиться с хозяином дома, – заторопился на встречу Алексей. Уж больно хотелось парню услышать голос далёкой Америки, до которой так и не сумел добраться.

В дверях его встретил старенький сгорбленный слуга и проводил в кабинет хозяина. Добрый барин терпеливо дожидался гостя, сидя с книжкой за накрытым скатертью столиком с аккуратно расставленными фарфоровыми чашечками, вазочками и чайничком.

– Вы пунктуальны, господин Ронин, – скосил глаз на огромные напольные часы в углу комнаты хозяин. – Ровно час прошёл. Присаживайтесь к столу, чайком побалуемся.

– Пожалуйста, Борис Николаевич, обращайтесь ко мне просто по имени – Алексей. – Гость занял место напротив хозяина и взял в руки предложенную чашку.

– Признаться, на махрового анархиста вы, Алексей, не очень-то похожи, – отложил в сторону книгу и отхлебнул горячего чая хозяин.

– Анархия не любит стереотипов, – пожал плечами адепт нового общества.

– Монашество всегда стояло за порядок, – окинул взором чёрные одежды инок барин.

– Анархия предполагает свободу верования, значит, и свои монахи должны быть, – улыбнулся Алексей.

– Логично, – не стал спорить хозяин. – Однако время уже позднее, грех надолго задерживать усталого путника. Я бы не стал вас беспокоить, Алексей, если бы не услышал, что вы намерены заняться в нашем захолустье медицинской практикой.

– У вас возникла неотложная проблема? – догадался медик.

– Видите ли, уважаемый... – замялся хозяин. – До войны мы с женой ежегодно посещали лучшие санатории в Европе. Людмиле Михайловне становилось чуть легче после лечебных процедур и приёма лекарств. Однако с началом мировой войны эта практика прекратилась и импортных лекарств теперь тоже не достать. Растягивали запас препаратов, сколько могли, но... – Мужчина огорчённо развёл руками и осторожно продолжил: – Я слышал, вы прибыли из Китая... Нет ли в вашей аптечке сильных обезболивающих?

– Опиумом не торгую, – скрестил руки на груди инок.

– Извините, я имел в виду какие-либо лекарственные препараты на основе редких трав.

– Запас действенных порошков имею, – оттаял багюшка. – Только мне бы самому взглянуть на пациента.

– Пожалуйста, пройдёмте, – засуетился заботливый муж. – Людмила Михайловна ещё не спит. Она в последние дни вообще плохо засыпает, боли мучают. Возил в Екатеринослав, в клинике сделали рентген, сказали, что нужна сложная операция. Только таких у нас не делают, а за границу дороги нет – война, понимаете ли.

– На Дальнем Востоке медицина другая, – допил чай одним богатырским глотком Алексей и поднялся из-за стола. – Там хирургов мало, зато лекарств чудодейственных полно и методики терапии веками отточены. Ведите к пациентке, определю болезнь и назначу действенное лечение.

Алексей так уверенно себя вёл, что мужчина сразу поверил в профессионализм китайского знахаря. Сам он много читал о чудесах восточной медицины и уповал на опыт зарубежных специалистов. Понравилось ему и то, что знахарь не стал выспрашивать медицинский диагноз пациентки, а решил сам оценить её состояние. Если с диагнозом угадает, то можно доверить лечение. Да и не осталось особого выбора – все местные эскулапы отказались делать операцию, а до столичных профессоров вести опасно. Дорога дальняя, уверенности в успехе хирургического вмешательства нет. Может, китайская терапия поможет? Ну хоть боль снимет?

Алексей проследовал за мужчиной в спальню на втором этаже дома. Супруга не спала.

– Вот, Людочка, доктора к тебе зазвал, – присел на край кровати муж и нежно поцеловал руку любимой. – Батюшка Алексей прибыл издалека, аж из Китая.

– Алексей Ронин, инок, а по совместительству знахарь, – по-военному щёлкнул каблуками Алексей и коротко кивнул. В Макао у целителя уже накопился опыт общения с благородной публикой. – Мадам, позвольте вашу ручку, прощупать пульс.

Алексей извлёк из кармана часы и изобразил на лице задумчивость. На самом деле считать ритм биения сердца он не собирался. Колдовским взором неторопливо рассмотрел пациентку.

– Вижу, у вас больные почки, – сделал заключение странный знахарь и неожиданно спросил: – Зачем арбуза так много кушаете?

– Так доктора говорят, что арбузный сок растворяет камни в почках, – заступился за опешившую супругу Борис Николаевич. Он был поражён так скоро поставленным верным диагнозом.

– Что здоровому польза, то больному вред, – отпустил руку пациентки целитель и, звонко щёлкнув крышкой, убрал часы в хитро скрытый в монашеском одеянии потайной карман. – У вас в почке песчинки, царапают канал. Пока буду проводить курс лечения, прошу к арбузам не притрагиваться.

– Конечно-конечно, – замахал ладонями супруг и, с нежностью глядя на страдающую жену, осторожно спросил: – А много времени вам, уважаемый, потребуется, чтобы хотя бы устранить болевые ощущения?

– Боль сейчас рукой сниму, повернитесь ко мне спиной, – вновь удивил китайский целитель и, склонившись над кроватью, приложил ладонь к боку пациентки. – А полный курс лечения растянем на неделю, чтобы ослабленному организму было легче все шлаки наружу вывести.

– Растянем на неделю? – полезли глаза на лоб у хозяина дома.

– Извините, но торопиться в лекарском деле нельзя, – огладил пальцами, хоть и короткую, но густую чёрную бороду чудо-знахарь.

– Боря, мне полегчало, – радостно сообщила заулыбавшаяся жена.

– Это временный эффект, – предостерег целитель. – Без травяного настоя не обойтись. Дозвольте отлучиться за лекарством.

– Сделайте милость, – готов был упасть на колени счастливый супруг.

Пока Алексей ходил за целебным порошком из мелко натёртых чайных листьев, эйфория у хозяина дома улетучилась, и он встретил странного знахаря настороженно. Не верилось просвещённому интеллигенту в столь хвастливые заявления заезжего лекаря, даже после доклада проницательного слуги, успевшего кое-что выведать у приезжих солдат о медицинских подвигах фронтального хирурга. Но одно дело скальпелем мышцы кромсать, а другое – без операции камни из почек удалять.

– Позвольте вас задержать на несколько слов, – вновь отвёл гостя к чайному столику хозяин дома и с явным недоверием в голосе спросил: – Неужели такое возможно?

– Снадобья из Тибета творят чудеса, – с улыбкой объяснил знахарь и решил показать действенность трав наглядно.

Алексей налил в чашку чистую воду, взял из вазочки каменную грудку кускового сахара и бросил в воду. Плотный белый кусок и не думал сразу растворяться. Однако стоило Алексею сыпануть щепоть коричневого порошка, как вода сразу окрасилась в янтарный цвет, а сахарный камушек мгновенно растаял. Говорить зрителю, что он раздавил рафинад в порошок лишь воздействием гравитационной силы, Алексей не стал. Знахарь лишь показал полную безвредность препарата, одним махом выхлебав сладкий чай из чашки.

– Для профилактики, – шумно крикнув, подмигнул изумлённому зрителю китайский факир. – Однако дозу надо знать, поэтому ваша супруга будет принимать лекарство под моим неусыпным контролем.

Хозяин проводил знахаря в покои. Алексей добросовестно изобразил изготовление чудодейственного снадобья из воды и размолотого чая, а сам втихаря раздавил колдовской силой вредоносный камешек в почке пациентки и вывел раствор по проточным каналам в мочевой пузырь. Фокусник проделал всё элегантно, словно всего лишь заботливо ощупывал больное место.

– Теперь следует часок понаблюдать, чтобы всё штатно прошло, – закончив сеанс терапии, авторитетно заявил знахарь. – Я слышал, у вас, Борис Николаевич, радиоприёмник имеется. Послушаем заграничные станции?

– Да, перед самой войной приобрёл на выставке в Париже, – охотно согласился услужить радушный хозяин и восхитился образованностью гостя: – А вы и французский язык знаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.